МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра русского языка и литературы

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

На тему: «Дискурсивные слова в русской и туркменской устной речи: сопоставительный аспект»

Исполнитель: Сабирова Лайла

(фамилия, имя, отечество)

Руководитель: Кандидат филологических наук

(учёная степень, учёное звание)

Непоклонова Елена Олеговна

(фамилия, имя, отчество)

«К защите допускаю»

Заведующий кафедрой:

(подпись)

Кандидат педагогических наук, доцент

(учёная степень, учёное звание)

Кипнес Людмила Владимировна

(фамилия, имя, отчество)

«3» апреля 2020г.

Санкт-Петербург

2021 г.

Тема ВПК Сабировой Лейлы

Дискурсивные слова в русской и туркменской устной речи: сопоставительный аспект

Оглавление

Введение……..3

Глава 1. Теоретические основы изучения дискурсивных слов……5

1.1.Понятие «дискурсивные слова» в современной лингвистической Науке…….5

1.2. Принципы классификации дискурсивных слов: основные подходы……12

1.3. Методы изучения дискурсивных слов……..38

Выводы……...44

Глава 2. Функционально-семантический потенциал дискурсивных слов в русской и туркменской устной речи……50

2.1. Междометные дискурсивные слова в русской и туркменской устной речи……50

2.2. Глагольные дискурсивные слова в русской и туркменской устной речи……56

2.3. Дискурсивные слова с междометным компонентом в русской и туркменской устной речи……..59

Выводы……...62

Заключение……...64

Список использованной литературы……..72

Приложение……..80

Введение

Особыми единицами устного дискурса считаются единицы, восходящие к обычным лексемам, как полнозначным, так и служебным, которые в ряде своих употреблений в повседневной речи утрачивают (полностью или частично) лексическое и/или грамматическое значение и приобретают прагматическое, переходят из разряда речевых в разряд условно-речевых (коммуникативно-прагматических) функциональных единиц русской речи. С учетом такой прагматикализации для них вводится термин прагматема. В работе дается обзор некоторых близких к прагматеме понятий, таких как дискурсивное слово, дискурсивная единица, логическая или модальная частица, коннектор, речевой автоматизм, вербальный хезитатив, прагмалексема, и обосновывается необходимость нового термина. Предлагаемая типология прагматем включает более десятка различных разрядов: междометные прагматемы, хезитативные, дискурсивные и ритмообразующие маркеры, маркеры поиска и самокоррекции, маркеры ксенопоказатели, маркеры рефлексивы и маркеры аппроксиматоры, а также ряд др. Весь анализируемый материал рассматривается на фоне других специфических особенностей русской устной речи, обнаруживаемых на лексическом и дискурсивном уровнях анализа. Во всех случаях отмечается полифункциональность выявленных прагматем.

Особое внимание уделяется сопоставительно-сравнительной характеристике дискурсивных единиц, используемых говорящими в русском и туркменском языках. Поскольку до сих пор подобный анализ дискурсивных единиц не проводился, то этим в настоящее время и определяется *актуальность* и *новизна* выпускной квалификационной работы.

Материалом исследования послужили устный неофициальный дискурс русской и туркменской речи (по 5 дискурсов говорящих на русском и туркменском языках – по 500 знаков в каждом дискурсе).

Объект исследования – дискурсивные слова, выписанные из материала исследования.

Предмет исследования – лексическое и прагматическое наполнение выписанных из материала исследования дискурсивных слов, их классификация и значение в русском и туркменском языках.

Цель исследования: провести сравнительно-сопоставительный анализ дискурсивных слов, имеющих место в русском и туркменском языках, определить и охарактеризовать их сходства и различия, а также основную роль их использования в анализируемых языках.

Задачи исследования:

1) охарактеризовать понятие «дискурсивные слова» в современной лингвистической науке;

2) описать принципы классификации дискурсивных слов и основные подходы к их изучению; представить имеющиеся в современной лингвистической науке классификации этих слов;

3) описать основные методы изучения дискурсивных слов;

4) определить и охарактеризовать дискурсивные слова, имеющиеся в русском и туркменском языках;

5) описать сходства и различия в использовании некоторых дискурсивных слов в русском и туркменском языках, роль и значимость их употребления в каждом языке.

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы на практических занятиях по изучению русского языка как иностранного, при изучении синтаксиса устной официальной и неофициальной речи, культуре речи.

Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка используемой литературы (74 источника), приложения, объемом 83 с. (без приложения).

Глава 1. Теоретические основы изучения дискурсивных слов

1.1.Понятие «дискурсивные слова» в современной лингвистической науке

Прежде чем давать определение дискурсивным словам и характеризовать их, следует определить и охарактеризовать понятие термина «дискурс». Понятие дискурса пришло в лингвистическую науку из Древней Греции. В современном мире самое раннее понятие дискурса и пример дискурсивного анализа принадлежит австралийцу Лео Шпитцеру. Автор использовал его в своем труде «Стиль исследования» в 1928 году. В общее употребление термин вошел после публикации серии работ (с 1952 года) Зеллига Харриса, разработавшего трансформационную грамматику.

Дискурс в современной лингвистической науке (фр. discours, англ. discourse, от лат. discursus «бегание взад-вперед; движение, круговорот; беседа, разговор») – это речь, процесс языковой деятельности; способ говорения. Многозначный термин ряда гуманитарных наук, предмет которых прямо или опосредованно предполагает изучение функционирования языка, лингвистики, литературоведения, семиотики, социологии, философии, этнологии и антропологии.

Четкого и общепризнанного определения дискурса, охватывающего все случаи его употребления, не существует, что способствовало широкой популярности, приобретенной этим термином за последние десятилетия: различные его понимания удовлетворяют различные понятийные потребности, модифицируя традиционные представления о речи, тексте, диалоге, стиле и языке. Своеобразной параллелью многозначности этого термина является не устоявшееся до си пор ударение в нем: чаще встречается ударение на втором слоге, но и ударение на первом слоге также не является

редкостью. Наиболее отчетливо выделяются три основных класса употребления термина «дискурс» [39 Классификация дискурсов].

К первому классу относятся собственно лингвистические употребления этого термина, исторически первым из которых было его использование в названии статьи «Дискурс-анализ» американского лингвиста З.З. Харриса, опубликованной в 1952 году [39 Классификация дискурсов].

Собственно лингвистические употребления термина «дискурс» пытаются уточнить традиционные понятия речи, текста и диалога. С одной стороны, дискурс мыслится как речь, вписанная в коммуникативную ситуацию. С другой стороны, реальная практика современного (с середины 1970-х годов) дискурсивного анализа сопряжена с исследованием закономерностей движения информации в рамках коммуникативной ситуации, осуществляемого, прежде всего, через обмен репликами.

Вторые употребления термина «дискурс» восходят к французским структуралистам и постструктуралистам, и прежде всего к М. Фуко, хотя в обосновании этих употреблений важную роль сыграли также А. Греймас, Ж. Деррида, Ю. Кристева; позднее данное понимание было отчасти модифицировано М.Пешё и др. За этими употреблениями просматривается стремление к уточнению традиционных понятий стиля (в том самом значении, которое имеют в виду, говоря «стиль – это человек») и индивидуального языка [39 Классификация дискурсов].

Третье употребление термина «дискурс» связано с именем немецкого философа и социолога Ю. Хабермаса. В этом понимании «дискурсом» называется особый идеальный вид коммуникации, осуществляемый в максимально возможном отстранении от социальной реальности, традиций, авторитета, коммуникативной рутины и т.п. Его можно назвать «дискурсом рациональности», само же слово «дискурс» здесь явно отсылает к основополагающему тексту научного рационализма [39 Классификация дискурсов].

В современной лингвистике термин «дискурс» близок по смыслу к понятию «текст», однако подчеркивает динамический, разворачивающийся во времени характер языкового общения; в противоположность этому, текст мыслится преимущественно как статический объект, результат языковой деятельности.

К понятию «дискурс» близко и понятие «диалог». Монолог – это частный случай диалога, хотя традиционно диалог и монолог резко противопоставляются.

В науке о дискурсе выделяются две различные группы работ – те, которые исследуют построение дискурса (например, выбор лексического средства при назывании некоторого объекта), и те, которые исследуют понимание дискурса адресатом (например, вопрос о том, как слушающий понимает редуцированные лексические средства типа местоимения *он* и соотносит их с теми или иными объектами). Кроме того, есть еще третья перспектива – рассмотрение процесса языкового общения с позиций самого текста, возникающего в процессе дискурса.

Междисциплинарное направление, изучающее дискурс, а также соответствующий раздел лингвистики называются одинаково – дискурсивным анализом или дискурсивными исследованиями.

Итак, дискурс – это коммуникативное явление, непосредственно текст или речь в действии в совокупности с экстралингвистическими факторами, когнитивными элементами; язык в его постоянном движении, вбирающий в себя многообразие исторической эпохи, индивидуальные и социальные особенности коммуниканта и коммуникативной ситуации.

В работах последних лет неоднократно предпринимались разнообразные попытки систематизации и классификации существующих теорий дискурса и дискурс-анализа. Первые классификации принадлежат Т. А. Ван Дейку, Я. Торфингу, М. В. Йоргенсен и Л. Филлипс [27 Ван Дейк, 49 М. Йоргенсен и Л. Филлипс].

В основе классификации теорий дискурса Ван Дейка лежит *дисциплинарно-генетический подход*. Предмет дискурс-анализа расширился до изучения культурных стилей, вербального искусства, адресных форм, изучения социальных и культурных контекстов разнообразных видов коммуникаций: беседы, рекламы, новостей.

Со временем появляются специализированные теории дискурса, такие, как теория идеологического дискурса, теория этнических дискурсов, теория дискурса социальных меньшинств, теория дискурса расизма и др. В особую отрасль выделяется анализ политического дискурса. Сам Ван Дейк в последние годы специализируется в области исследования идеологического дискурса.

Якоб Торфингв качестве главного критерия классификации существующих теорий дискурса выделяет *три поколения теорий дискурса* или три традиции дискурс-анализа

Теории дискурса *первого поколения* трактуют дискурс в узко-лингвистическом смысле, определяют его как текстовую единицу разговорного и письменного языка, в основном анализируют языковые особенности индивидуальных «ораторов» с учетом их социального положения, фокусируют внимание на стратегиях говорящего в ходе беседы.

Второе поколение теорий дискурса, согласно Торфингу, трактует дискурс шире, включая в. «критический дискурс анализ», в котором дискурс рассматривается как один из способов властвования.

Третье поколение теорий дискурса рассматривает дискурс как совокупность социальных практик, в рамках которых конструируются и воспроизводятся значения и смыслы.

Классификация теорий дискурса М. Йоргенсен и Л. Филипс осуществляется на основе проведения сравнительного исследования трех подходов к дискурсному анализу: 1) дискурсная теория Лакло и Муфф; 2) критический дискурс-анализ (КДА); 3) дискурсивная психология.

В основе всех подходов – общее представление о том, что способ общения людей не только отражает мир, но и играет активную роль в его создании и изменении. Рассматривается т. н. *комбинированный подход*, который вбирает и интегрирует элементы других трех подходов, представляя собой некий идеальный синтез современных теорий дискурса. В теории дискурса Лакло и Муфф большое внимание отводится анализу политики.

Одним из центральных понятий дискурса является *«коммуникативное событие».* Третья разновидность социально-конструкционистской теории дискурса – *дискурсивная психология* – рассматривает *дискурс как ситуативное использование языка и речи в повседневной практике общения*.

В основе каждой классификации лежит свой базовый принцип выделения и структурирования определенных комплексов дискурс-теорий.

В современной лингвистической науке представлена классификация дискурса, определяющая его понятие в зависимости от сферы употребления:

1) *дискурсы повседневного общения* (бытовые разговоры, дружеские беседы, слухи, бытовые конфликты и др.);

2) *институциональные дискурсы* (административный дискурс, офисный дискурс, банковский дискурс, педагогический дискурс, медицинский дискурс, армейский дискурс, церковный дискурс и др.);

3) *публичный дискурс* (дискурсы гражданских инициатив и выступлений, дипломатический дискурс, PR-дискурс и др.);

4) *политический дискурс* (дискурсы политических идеологий, дискурсы политических институтов, дискурсы политических акций и др.);

5) *медиа-дискурсы* (ТВ-дискурс, дискурс кино, дискурс рекламы и др.);

6) *арт-дискурсы* (литературный дискурс, музыкальный дискурс, дискурс изобразительного искусства, модельный дискурс и др.);

7) *дискурс деловых коммуникаций* (дискурс деловых переговоров, дискурс бизнес-коммуникаций);

8) *маркетинговые дискурсы* (дискурс рекламы, дискурс продаж, потребительский дискурс, сервисный дискурс и др.);

9) *академические дискурсы* (дискурсы научных сообществ, дискурсы научных и гуманитарных дисциплин).

10) *культурно-мировоззренческие дискурсы* (дискурсы культурных эпох, дискурсы различных философских и религиозных течений). [Классификация дискурсов].

В лингвистике не раз предпринимались попытки найти соответствующий термин к единицам дискурса и описать их.. Поэтому введение термина «дискурсив» (затем – «дискурсивные слова»), который акцентирует «функционально-семантический аспект обозначаемого типа языковых единиц», позволяет обойти проблему их принадлежности к какой-либо традиционной части речи. Термин «дискурсив» вошел в лингвистику сравнительно недавно. Существуют разные представления о границах его применения, но чаще всего под ним понимается коммуникативная единица, придающая «особый дискурсивный статус» некоторому фрагменту дискурса и обладающая определенной «дискурсивной семантикой», выражающая коммуникативно-прагматическую информацию. Рассматриваются единицы именно устного дискурса.

К дискурсивам в широком понимании этого термина исследователи относят не только отдельные слова различных частей речи (наречия (*соответственно, практически*), частицы (*только, именно, как бы, лишь*), союзы и союзные слова (*потому что, хотя, поэтому, однако*), вводно-модальные слова (*безусловно, возможно, разумеется, наверное, конечно*), но и словосочетания и выражения (*выше приводился, в том числе, таким образом, можно сказать*) и целые предложения (*разрешите напомнить следующие положения, речь идет о ситуации, обратимся к следующему вопросу*). Объединяет все эти единицы общая для них регулятивная и организующая роль в дискурсе. Несмотря на свое разнообразие, дискурсивы имеют ряд объединяющих их морфологических и синтаксических признаков. В русском языке это их

неизменяемость, неспособность быть ядром синтаксической группы, синтаксическая функция союза или адъюнкта, возможность иметь синтаксические связи и с именной, и с глагольной группой и т. д. Тем не менее морфосинтаксическая специфика дискурсивов изучена еще слабо, что объясняется объективными сложностями определения синтаксического статуса дискурсива, а именно установления элемента предложения, с которым дискурсив связан синтаксически, и определения характера этой связи [30 Дискурсивные слова: единство в многообразии].

Наряду с термином *дискурсив*, в последнее время широко используется термин *дискурсивные слова* (вообще термины *дискурсив* и *дискурсивные слдова* – синонимы). Как отмечает Е. Г. Борисова, он пришел на смену понятию частица, когда оказалось, что частицы обладают «слишком различными функциями» [18 Борисова 2014: 97]. В «Путеводителе по дискурсивным словам русского языка» А. Н. Баранова, В. А. Плунгяна и Е. В. Рахилиной *дискурсивными словами* называются «единицы, которые, с одной стороны, обеспечивают связность текста и, с другой стороны, самым непосредственным образом отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего» [10 Баранов и др. 1993: 7].

К. Л. Киселева и Д. Пайар [29 Дискурсивные слова... 1998; 2003] определяют *дискурсивные слова* на основании функциональных критериев, главный из которых – установление отношения между двумя (или более) составляющими дискурса. Таким образом, значение дискурсивных слов, не имеющих денотата, можно изучать только через их употребление. Класс дискурсивных слов является открытым, и по функциональным критериям туда входят служебные или неполнозначные слова, модальные слова, а также частицы и некоторые наречия. В этих же работах подобные единицы называются логическими частицами, модальными частицами или коннекторами.

На определенном этапе исследований для описания единиц устного дискурса были предложены также термины *речевой автоматизм* [23 Верхолетова 2010], *дискурсивная единица*, под которыми понимались, в

частности, полифункциональные единицы (нередко развернутые конструкции) [ЗЗ Звуковой корпус. 2014], являющиеся вербальными заполнителями пауз хезитации.

1.2. Принципы классификации дискурсивных слов: основные подходы

Проблема классификации дискурсивов (дискурсивных слов) является весьма непростой, прежде всего из-за разнообразия самих единиц и подходов к их изучению. Любые классификации в языке условны, поскольку язык, будучи набором дискретных единиц, отражает объективную реальность не непосредственно, не зеркально, а определенным образом условно ее расчленяя. Сущность всякой классификации в обобщении и условности, поэтому, предлагая ту или иную классификацию дискурсивных слов, авторы осознают ее условность, но в то же время считают удобной для использования при решении задач, поставленных в рамках конкретного исследования.

Классифицируются дискурсивы по разным признакам. Одни классификации основаны на семантическом и прагматическом критериях, другие – на семантическом и функциональном признаках и т.п. Так, Е. Ю. Викторова, исследуя место дискурсивных слов в системе языковых единиц, предлагает *семантическую и функциональную* классификацию дискурсивов. Дискурсивы устанавливают отношение между двумя (или более) составляющими дискурса Дискурсивные слова не имеют денотата в общепринятом смысле; их значения не предметны, поэтому их можно изучать только через их употребление. Часто они бывают «непереводимыми», так как в другом языке фактически не бывает их точных эквивалентов. Общепризнанным является то, что у многих слов такого типа существуют, наряду с дискурсивными, и другие, недискурсивные, употребления. При этом между дискурсивными и другими употреблениями слова часто не существует семантической связи. Возможно даже противоречие дискурсивного значения

пропозициональному. Дискурсивы очень разнообразны и по структуре, и по значению. Традиционное деление структурных слов на лексико-грамматические классы (наречия, частицы, союзы, междометия) не позволяет отнести дискурсивы к какой-либо из этих категорий. Кроме того, в словарях наблюдается разнобой в грамматической квалификации дискурсивов, когда одно и то же слово может определяться как наречие, частица или вводное слово. [25 Викторова 1999].

С точки зрения выполняемых ими функций дискурсивы также разнообразны. Эти функции группируются вокруг так называемого коммуникативно-организующего, или вспомогательного, уровня общения, который выделяется наряду с коммуникативно-информативным, основным, уровнем

С. В. Андреева называет эти уровни ареалами коммуникации и разграничивает *коммуникативно-номинативный* ареал и *речеорганизующий* Подобное разделение коммуникации на уровни или ареалы отмечено и у зарубежных авторов, например, у Г. Кларка, различающего две системы коммуникации: первичную (основную), и вторичную (побочную) систему, не являющейся основной задачей коммуникации. На уровне текста выделяют *текстовый* и *метатекстовый* уровни. Функции дискурсивных слов, выполняемые в рамках такой двухуровневой системы коммуникации, могут быть определены на основе трех макрофункций языка, выделяемых М. Халлидеем. Исследователь выделяет *идеационную* (когнитивную, информативную), *межличностную* (эмотивную, экспрессивную) и *текстовую* (синтаксическую) *функции. Дискурсивные слова* ориентированы на *вторую* и *третью функции*, а идеационная функция может присутствовать в дискурсивах лишь в сочетании с межличностной. Три макрофункции М. Халлидея соотносятся с тремя (из четырех) типами информации: *фактуальной, коммуникативной* и *дискурсивной* (четвертый тип эмоционально-чувственная информация дискурсивами, как правило, не выражается, поэтому и не рассматривается). Идеационная функция

соотносится с фактуальной информацией, межличностная – с коммуникативной, а текстовая – с дискурсивной. Дискурсивы участвуют в передаче дискурсивной и коммуникативной информации. Коммуникативная информация, по мнению С. В. Андреевой, «отражает взаимодействие между автором речи и ее адресантом; это информативность в контакторегулирующем, оценочно-интерпретационном плане, в плане межличностных отношений». Такая информация называется еще «регулятивной». Дискурсивная информация, по мнению С. В. Андреевой, «направлена на организацию дискурса и ориентацию адресата в нем для оптимального восприятия как фактуальной, так и коммуникативной информации: это информативность в плане структурирования дискурса, обозначения роли фрагмента в тексте, отношения к нему автора и т. д.» [Андреева]. Итак, дискурсивы противопоставлены остальным коммуникативным единицам, самостоятельным или основным по своему характеру, которые передают фактуальную информацию, информацию первого плана. Дискурсивы (дискурсивные слова) передают так называемую дискурсивно-регулятивную информацию, информацию второго плана, вспомогательную по отношению к основной, фактуальной информации. На основе двух характерных для дискурсивов типов информации регулятивной и дискурсивной можно выделить два основных типа дискурсивов, которые названы *дискурсивами-регулятивами* и *дискурсивами-организаторами*. *Дискурсивы-регулятивы* выполняют *межличностную* (по М. Халлидею) *языковую функцию* и выражают *регулятивную информацию*. *Дискурсивы-организаторы* выполняют *текстовую функцию* и выражают *дискурсивную информацию*. *Дискурсивы*, будучи одним из средств организации дискурса, выступают в роли *вспомогательных коммуникативных единиц* (далее ВКЕ). Они помогают адресату интерпретировать высказывание адресанта, экономят мыслительные усилия адресата в плане интерпретации смысла высказывания, управляют его вниманием. В целом, они улучшают качество восприятия дискурса и увеличивают скорость и точность его восприятия. Дискурсивы не

образуют единого функционального класса единиц, поскольку не имеют четких границ и собственных дифференциальных структурно-семантических и функциональных признаков. Эти единицы «не имеют самостоятельного значения в дискурсе, а только организуют его»

С.В. Андреева в своей классификации к ВКЕ относит собственно дискурсивы (дискурсивные слова), дискурсивные повторы, коммуникативы, (характеризуются совокупностью структурно-семантических признаков: номинативностью, предикативностью, синтаксической членимостью, выражением диктумных или модусных смыслов) [3 Андреева 2011].

Е.Ю. Викторова, учитывая классификацию, С.А. Андреевой, предлагает свои изменения и и уточнения, которые смогут сделать классификацию ВКЕ более точной и системной. Так, по ее мнению, при изучении коммуникативов следует учитывать их разнообразие, так как они не менее гетерогенны, чем дискурсивы.

Учеными установлено, что с точки зрения выполняемых функций коммуникативы бывают информативными и фатическими. Коммуникативы-информативы (*да/ нет* и их модализованные варианты (*конечно, ни в коем случае*), используемые в качестве ответа на вопрос) выражают скорее диктумные смыслы, а не модусные (присущие коммуникативам-фативам), и значит, обладают информативной направленностью. Следовательно, их принадлежность к основным единицам коммуникации оправдана. Что касается коммуникативов-фативов, то они тоже бывают разными и, соответственно, не все из них могут быть признаны основными коммуникативными единицами. Например, коммуникативы-хезитативы, актуализаторы, обращения, процессивы-комменсивы (термин И. И. Прибыток) – это фативы, являющиеся одновременно реакцией на реплику предыдущего говорящего и зачином к собственной реплике, тяготеют к ВКЕ. По своей роли в коммуникации и по типу передаваемой ими информации эти коммуникативы мало чем отличаются от дискурсивов, относимых С. В. Андреевой к ВКЕ. Неслучайно в англоязычной традиции первыми

дискурсивными маркерами, которые стали исследоваться, были именно такие единицы, которые именуются коммуникативами *oh, now, well, you know*, и используются они, как правило, в типичной для коммуникативов фатической функции функции хезитативов или процессивовкомменсивов. До сих пор англисты не выделяют каких-то особых языковых единиц аналогичных коммуникативам, выделяемых русистами. В работах англоязычных исследователей все единицы, выполняющие связующие и регулятивные функции в дискурсе, квалифицируются как дискурсивные маркеры. Подобную точку зрения разделяют и некоторые отечественные лингвисты, считающие коммуникативы типа *Ну и ну, Вот еще* дискурсивными словами. По некоторым функциям, описанным в исследовании С. В. Андреевой, дискурсивы и коммуникативы пересекаются; например, отмечается роль обеих единиц в оценочно-интерпретационном плане (оценка и самооценка речи или ситуации) и в плане выражения отношения автора к предмету речи.

Из этого следует, что четких функциональных критериев разграничения дискурсивов и коммуникативов (по крайней мере коммуникативов-фативов), видимо, не существует. Хотя коммуникативы, имеют более узкую сферу применения по сравнению с дискурсивами, они свойственны в основном устной диалогической речи, именно здесь они довольно частотны и разнообразны. Что касается структурно-семантических признаков, присущих коммуникативам и дискурсивам, то они также не всегда являются надежным критерием разграничения этих двух единиц.

Критерии предикативности и синтаксической нечленимости тоже не столь однозначны, поскольку и коммуникативы, и дискурсивы могут выражаться предикативными единицами (хотя в большинстве случаев это «мертвая» предикативность) и не являются членами предложения. И те, и другие единицы в основном представлены словами и конструкциями, воспроизводимыми в процессе коммуникации. Но обе единицы могут иметь в своем составе осложняющие элементы междометия, обращения, модальные слова (*О, да, конечно! или Ну хорошо, Лена, давай поговорим об этом после*).

Поскольку названные осложняющие элементы сами являются коммуникативами, то остается нерешенным вопрос, считать ли их осложняющими или рассматривать данный коммуникатив как цепочку из нескольких коммуникативов. Основным критерием выделения как коммуникативов, так и дискурсивов является их функциональное предназначение в коммуникации, поэтому функции большинства коммуникативов-фативов следует признать вспомогательными по отношению к единицам основным, выражающим фактуальную информацию. Коммуникативы-информативы следует считать основными коммуникативными единицами. Вспомогательная функция в дискурсе выполняется разными вербальными и невербальными средствами. Это могут быть жесты, графические средства, знаки пунктуации (кавычки, скобки, тире и др.), разные виды шрифта (полужирный шрифт, курсив), красная строка. К ним отнесены и некоторые разделы речевых произведений (аннотации, ключевые слова, вступления, ссылки).

В работе рассматриваются в основном лексические способы выражения вспомогательности особые лексические единицы: слова и устойчивые речевые обороты (редко предложения), функция которых заключается в помощи коммуникантам в процессе создания дискурса, его реализации и восприятия. Итак, понятие «дискурсивы»/ «дискурсивные слова» в широком понимании (включая вводно-модальные слова и конструкции, частицы, союзы, модальные глаголы, слова знаменательных частей речи, междометия) равны понятию «вспомогательные коммуникативные единицы». «Дискурсивы» в узком понимании включают единицы с дискурсивно-регулятивным значением. Это вводно-модальные слова и конструкции, а также частицы [30 Викторова. Дискурсивные слова: единство в многообразии]

Дискурсивы неоднородны и по типу и объему реализуемой ими информации. Часть дискурсивов являются дискурсивными операторами в чистом виде, то есть они функционируют исключительно в качестве вспомогательных средств (*во-первых, итак, следовательно, например*). Е.Ю.

Викторова предлагает их единицы называть условно собственно дискурсивами. Другие одновременно сочетают вспомогательную функцию с информативной, то есть являются синкретичными. Они функционируют одновременно и как дискурсивные маркеры, и как носители фактуальной, пропозитивной информации. Такая разновидность синкретизма может быть названа функционально-прагматическим синкретизмом. Например: *Уровень ТАТ в плазме крови ex vivo стабилен, а выработка фибринопептидов при малейших отклонениях в процедурах взятия, обработки и хранения образцов крови* ***может*** *изменяться.* Лексема *может* в данном контексте, одновременно передает основную информацию и вспомогательную (смягчает поданную информацию, то есть служит сигналом не полной уверенности автора в своих словах, не обязательной достоверности процесса). Условно такие дискурсивы называются синкретичными. Следует отметить, что, в отличие от полисемии, синкретизм, в том числе и функционально-прагматический, контекстом не разрешается, двоякое значение остается. Интересны в этом плане и так называемые авторизующие конструкции дискурсивы, содержащие упоминание автора. Они используются либо для экспликации своего личного авторского мнения (*на наш взгляд, по-моему, как мне кажется*), либо описывают какие-либо действия автора. Это могут быть ментальные действия, связанные с рассуждениями автора, с производимыми им логическими операциями (считаем возможным, мы полагаем правильным, мы не сомневаемся). В научном дискурсе довольно частотны авторизующие конструкции, описывающие действия авторов, совершаемых во время проведения ими исследований. Вводные обороты типа *по-моему и на наш взгляд* относятся учеными к собственно дискурсивам, а дискурсивы, содержащие глагол в настоящем (за исключением глаголов мнения) или прошедшем времени, являются, синкретичными, так как одновременно сочетают в себе фактуальную и регулятивную информацию. Эти дискурсивы, с одной стороны, сообщают о совершенных в процессе исследования действиях ученых, а с другой стороны, усиливают личностную

направленность научного изложения, подчеркивают не только личный вклад авторов статьи в проведенное исследование, но и их ответственность за предоставляемую информацию. Внутри самих вспомогательных единиц находятся такие дискурсивы, которые сочетают функции прагматических и грамматических операторов [26 Гладров 20]. Например, союзы могут быть исключительно грамматическим средством связи, а могут проявлять наряду с грамматическим и прагматическое значение. Так, сочинительные союзы *а, но* могут употребляться при противопоставлении элементов предложения, то есть использоваться как дополнительные к лексическим средствам логические сигналы, которые недвусмысленно четко указывают на характер отношений между элементами предложения, помогая тем самым прояснить суть высказывания. Например: *Считается, что определенные функциональные типы предложений соответствуют не суждениям, а иным логическим формам мышления.* Союзы, употребляющиеся таким образом, лежат на пересечении классов грамматических и дискурсивно-прагматических вспомогательных единиц. Собственно дискурсивы могут совмещать в себе функции и своих собственных подтипов, когда в одном слове регулятивная информация сочетается с дискурсивной. Многие исследователи считают такой синкретизм естественным и отмечают присутствие модальных оттенков значения в средствах, которые традиционно относятся к связующим элементам.

Таким образом, деление дискурсивов на регулятивы и организаторы является во многом условным. Критерием для такого деления будет являться преобладание регулятивной или дискурсивной информации в данном дискурсиве. Так, например, дискурсив *кстати* можно считать организатором, так как он используется в первую очередь для введения фрагмента речи и демонстрации ассоциативной связи фрагмента с текстом, а присущее ему акцентно-выделительное значение – считать второстепенным.

Итак, представленная классификация дискурсивов показывает неизбежность и продуктивность выделения наряду с основными типами

особых, переходных типов дискурсивов. Выделены дискурсивы, совмещающие значения прагматическое и пропозициональное, и дискурсивы с сочетанием прагматического и грамматического значений [30 Викторова Дискурсивные слова…].

Следует отметить, что многие служебные слова отличаются не только контекстно неразрешаемой синкретичностью, но и полифункциональностью и полисемией, которые находят свое разрешение в контексте. Иногда одно и то же дискурсивное слово может употребляться в противоположных значениях (*конечно может быть* использовано и как сигнал уверенности, и как показатель неуверенности, смягчения, уступки). Многие служебные слова образуют так называемые омокомплексы (например, *как* функционирует как союз, частица, союз-частица или частица-союз, междометие).

Итак, ВКЕ, ядро которых представлено дискурсивами (в узком понимании), представляют собой систему единиц, имеющую полевую структуру. Ядро ВКЕ образуют дискурсивы с прагматическим значением, представленные собственно дискурсивами (вводно-модальными словами и частицами). Дискурсивы, совмещающие пропозициональное и прагматическое значение, то есть синкретиченые дискурсивы (модальные глаголы и предикативы; предикативные (авторизующие) конструкции), формируют переходную зону. Синкретичные и собственно дискурсивы относятся к прагматическим операторам. Грамматические операторы представлены служебными единицами. При этом предлоги и грамматические частицы и союзы обладают чисто грамматическим (структурным) значением и образуют центральную зону грамматических операторов. А союзы, сочетающие грамматическое значение с прагматическим, формируют переходную зону. Следует отметить, что описанные выше различные типы ВКЕ наделяются авторами классификации статусом «вспомогательный» только при условии их уместного разнообразного употребления.

В настоящее время заслуживает внимание еще одна характеристика и классификация дискурсивов применительно к устному дискурсу, предложенная другими учеными, в т.ч. Н. В. Богдановой-Бегларян.

Язык является «ключевым объектом при анализе повседневности во всей ее полноте, о каких бы социально-гуманитарных науках ни шла речь. Всякий исследователь обыденной реальности и сознания вынужден быть отчасти лингвистом» [35 Касавин, Щавелев 2004: 410]. Не удивительно поэтому, что лингвисты обратились к изучению повседневной речи носителей языка. Такую речь фиксирует и Звуковой корпус русского языка, создаваемый на филологическом факультете СПбГУ, особенно его блок «Один речевой день» [32 Звуковой корпус... 2013]. Основные признаки повседневной речи:

1) *самоочевидность* обыденной жизни и нашего знания о ней. Воспринимаемые нами объекты окружающего мира (в том числе язык) образуют «поле самоочевидного, не подвергающегося сомнению опыта» [32 Звуковой корпус... 2013: 130], «повседневность представляет собой структурный компонент человеческого опыта, есть то, от чего нельзя уйти никому» [55 Полякова 2014];

2) *интерсубъективность*: необходимое обыденное знание приобретается индивидом не обособленно, а во взаимодействии с другими индивидами (в том числе в процессе коммуникации) [74 Шюц 1988: 130];

3) *стереотипность* восприятия окружающей действительности и себя в ней [74 Шюц 1988: 134].

По мнению П. Томпсона, устное повествование примитивно с точки зрения грамматического строя, «полно избыточных выражений и неоправданных отклонений; в нем много субъективного, эмоционального и гипотетического, часто используются одни и те же слова и образные выражения» [68 Томпсон 2003: 277]. Однако подобная «непричесанность» такого повествования может служить дополнительным источником информации для историка повседневности, поскольку позволяет выявить «часто полуосознанные, скрытые значения, которые выдает сама речь» [68 Томпсон 2003: 277].

Поэтому для лингвистического исследования интересна живая повседневная устная речь, анализ которой позволяет исследователям не только описать ее специфику и заложить основы построения грамматики речи, или антропоцентрической грамматики [60 Русакова 2012], но и увидеть перспективы развития языка, что еще больше повышает значимость всех таких исследований.

Устная речь повседневного общения характеризуется многими особенностями, заслуживающими отдельного исследовательского внимания:
1) Расширение круга значений единиц

Глагол *уговорить/уговаривать*, имеющий в качестве основного значение *убеждая, склонить к чему-л., заставить согласиться с кем-, чем-л.*, [Словарь русского языка... 1984: 458], способен употребляться в повседневной речи как синоним глаголов *выпить/выпивать, съесть/есть* в значении: 'шутл., разг. *Съесть или выпить все, обычно значительное количество (чаще о спиртном)'* [70 Химик 2004: 630]):

[*Абрамыч, nick] Ха-ха поймала, по ходу, но - философски. Тож поди абсент угоовариваешь иногда?];*

Видно, что круг значений глагола *уговорить / уговаривать* в устной речи существенно расширяется за счет подобных контекстов, и зафиксировано это пока только рядом словарей неформальной лексики.

В первом из приведенных контекстов присутствует и еще одна единица подобного типа: *по ходу* в значении *'кажется, похоже'*, что также можно рассматривать как некоторую речевую семантическую новацию. Множество примеров такого типа [13 Богданова-Бегларян 2014а].

2) Появление новых («несловарных») единиц.

Лексема *бабец/бабца*, хорошо знакомая всем носителям русского языка, с трудом поддается даже лемматизации (приведению к исходной форме), ср.:
долго ли взирать / такие бабцы ? (ОРД);

Анализ самого разнообразного материала, а также ряд психолингвистических экспериментов с обращением к ментальному

лексикону носителей языка позволили сделать в отношении данной единицы следующий вывод: в современной устной повседневной речи существуют два варианта этой лексемы, с небольшими различиями в значении:

1) *бабец (м. р.)* – 'грубое и вульгарное наименование женщины, малообразованной, маргинального происхождения, потерявшей свою женственность';

2) *бабец (ж. р.) или бабца (ж. р.)* – 'привлекательная женщина, обладающая специфическим психологическим складом: инициативностью, самостоятельностью, способностью за себя постоять' [33 Звуковой корпус. 2014].

3) Изменение соотношения значений единицы (мена приоритетов).

Данную особенность устной повседневной речи удобно проиллюстрировать на примере употреблений одной из форм глагола *сказать – скажем,* в том числе в составе различных конструкций: *так скажем, скажем там, ну скажем* и под.

В толковых словарях русского языка форма *скажем* упоминается лишь как одна из возможностей употребления глагола *сказать* (мелким шрифтом в конце соответствующей словарной статьи): «1 л. мн. ч. буд. вр. *скажем* в знач. вводн. сл. Например: *Разговор зашел об этом самом трагизме, – когда человек сознает, что, скажем, счастье любви есть высшее счастье, но он не способен отдаться ему. Вересаев. «Да здравствует весь мир!»»* [65 Словарь русского языка. 1984, 4: 101]. Конструкции *скажем так, так скажем* и проч. возможные варианты данной единицы не зафиксированы нигде, существуют только еще *прямо сказать/сказать прямо* – вводные словосочетания со значением 'откровенно, нелицемерно, открыто, явно, не скрывая'.

Предикативные употребления *скажем* (поставленные словарем на первое место), по наблюдениям Н.В. Богдановой-Бегларян, единичны во всех видах речи. При этом словарные единицы *(скажем, ну скажем, прямо скажем)* (в значении *например, к примеру*) встретились преимущественно в письменной речи. Зато в разных типах устной речи (научной, публичной, бытовой)

выявляется до 7-10 разновидностей этой конструкции, включающей данную форму (наиболее часто – *так скажем и скажем так*), причем в значениях (функциях), далеких от словарных:

вот есть / вещи такие / вот / ну /у людей хобби например / да ? П В ну(:) / там скажем / П ну / не знаю / паяет что-то (ОРД)3 (хезитация + поиск; найденная в ходе поиска конструкция подчеркнута).

Анализ материала позволяет говорить не только о вариативности конструкции, включающей форму *скажем*, но и о необходимости отдельного ее лексикографического описания [33 Звуковой корпус. 2014].

4) Ослабление семантической составляющей.

В устной разговорной речи происходит не только изменение соотношения различных значений конкретной лексической единицы (мена семантических приоритетов), но и общее ослабление семантической составляющей одной из ее форм. Это фактически отрывает существующую форму от исходной и превращает в самостоятельную единицу, требующую отдельного лингвистического анализа и отдельного описания в соответствующем словаре.

Другим примером подобного типа могут служить многие употребления форм *знаешь/знаете*, в том числе и в составе различных конструкций, ср.:

• *как он называется? П господи! П прошитый пуфик такой / знаете(:) / модная / @ угу // @ табуреточка / а она оказывается очень нестойкая* (ОРД) (поиск + метакоммуникация удержание говорящим речевой инициативы в момент хезитационного колебания);

• *вот ты знаешь /я короче уже один раз завалила как будто // сдаю второй раз / и второй раз завалила* (ОРД) (дискурсивный стартовый маркер + метакоммуникация – привлечение внимания собеседника).

В обоих примерах глагольное значение форм *знаешь/знаете* максимально ослаблено [33 Звуковой корпус. 2014].

5) Утрата единицей лексического значения и приобретение прагматического.

Для устной повседневной речи характерна полная утрата единицей своего лексического значения и приобретение прагматического, т. е. той или иной функции, которую эта единица выполняет в потоке речи.

II. Прагматикализация и прагматема в устной повседневной речи.

О прагматикализации говорят, когда в естественной речи определенные грамматические формы, отдельные лексемы переходят на коммуникативно-прагматический уровень языка и становятся сугубо прагматическими единицами, выражающими различные реакции говорящего на окружающую действительность и имеющими форму самостоятельных высказываний. Обычная лексема превращается при этом в прагмалексему, или прагматему. Последний термин для описания исследуемого класса единиц, думается, предпочтительнее. Эти единицы зачастую представляют собой не отдельные лексемы, а целые конструкции, которые могут иметь несколько вариантов употребления*: это самое, как сказать, (ну) (ты) знаешь, вот (этот) вот, туда-сюда, как его (ее, их), как это, (я) не знаю* и под. [15 Богданова-Бегларян 2014]

В процессе прагматикализации происходят изменения в семантике лексических единиц, повышается роль прагматического компонента и уменьшается значимость денотативного и сигнификативного элементов. Данный процесс может сопровождаться изменениями в употреблении (например, нереализованная валентность, нестандартный порядок слов и т. п.). В результате единица в значительной степени утрачивает (или изменяет) свое лексическое, а то и грамматическое значение. Главной для нее становится та функция, которую она реализует в структуре устного текста (дискурса) и которую можно назвать прагматическим значением данной единицы.

На определенном этапе описания подобных единиц были предложены термины *дискурсивная единица* (ДЕ) и *вербальный хезитатив* (ВХ), под которыми понимались полифункциональные развернутые хезитационные конструкции, являющиеся вербальными заполнителями пауз колебания. Однако понятия и ДЕ, и ВХ ставят на первое место хезитативную функцию. В

связи с этим вводится термин *прагмалексема*, в ходе которого определенные грамматические формы, отдельные лексемы переходят на коммуникативно-прагматический уровень языка и иногда становятся «сугубо прагматическими единицами, выражающими различные реакции говорящего на окружающую действительность и имеющими форму самостоятельных высказываний» [15 Богданова-Бегларян 2014]. Процесс *прагматикализации*, как и собственно класс дискурсивных слов, обычно описывается с точки зрения незнаменательных частей речи. По Р.И. Бабаевой, с точки зрения выполнения прагматических функций в дискурсе служебные слова могут быть разделены на три группы.

Слова с первичными прагматическими функциями (*прагмалексемы*):
а) частицы и б) междометия, основным назначением которых является обслуживание прагматической стороны дискурса; в) специальные диалогические частицы (вносят вклад в формирование структуры и организации дискурса). Для названных классов выполнение указанных прагматических функций является категориальным признаком, на основе которого они объединяются в функциональные классы;
а) слова с вторичными прагматическими функциями – союзы;
б) слова, для которых выполнение прагматических функций является лишь дополнительным аспектом, – предлоги [7 Бабаева 2008: 7].

Переход знаменательных слов в прагмалексемы осуществляется в результате изменений в семантике лексических единиц, когда происходит повышение роли прагматического компонента и уменьшается значимость денотативного и сигнификативного элементов, данные процессы сопровождаются изменениями в употреблении (например, нереализованная валентность, нестандартный порядок слов и т. п.). Нередко подобные единицы представляют собой не отдельные лексемы, а целые конструкции, которые могут иметь несколько вариантов употребления (*это самое, как сказать, ну ты знаешь, вот этот вот, туда-сюда*). Поэтому вместо термина

прагмалексема целесообразно вслед за Н.В. Богдановой-Бегларян, называть данный класс слов *прагматемами* [15 Богданова-Бегларян 2014].

Н.В. Богданова-Бегларян делит такие единицы на две группы [12 Богданова 2012]:

1) дискурсивные единицы (в более поздней терминологии – прагматемы), которые восходят к значимым фрагментам текста и утратили свое лексическое значение в результате почти полной десемантизации:

ну / я не знаю */ в шесть или в семь /* ***я думаю что*** */ я одну оставлю* (САТ);

Да / потому что у тебя аккумулятор садится. Я просто ***боюсь / что****… Да / я щас запишу* (НКРЯ).

«Возможно, к этой же группе можно отнести и такие единицы, как *понимаешь, короче (говоря), так сказать, на (в) самом деле, как говорится* и некот. др. Все такие ДЕ часто выступают в тексте и в роли обычных вводных слов, что давно имеет лексикографическую фиксацию, однако в приведенных примерах это прежде всего хезитативы, что подкрепляется всей структурой текста (реплики), а часто и другими, сопутствующими, хезитационными маркерами» [12 Богданова 2012: 75];

2) дискурсивные единицы, которые восходят к незначимым фрагментам текста (словам-паразитам):

да да да да надо что-то … чтобы не очень претензионно было да и в то же время как бы … что-то надо нарядное # а оно ***не это самое*** */ не долбанёт ?* (ОРД); *машину фактически / разорвало пополам // и* ***в общем*** */ вот там* ∫ ***вот значит*** ∫ *на фотографиях три трупа по крайней мере есть* (САТ).

При такой классификации дискурсивные единицы соответствуют выделенному Е.Ю. Верхолетовой *уровню автоматизмов* в системе уровней свободы речи:

1) «нулевой» уровень, который еще не вполне речь, <…> на этом уровне находятся: э-э*, гм, ну, м-м* и подобные им «звуки»;

2) первый уровень, следующий за нулевым, который рассматривается как уровень автоматизмов; в качестве автоматизмов выделяются как

традиционные частицы типа *вот, так, именно, только, это, что* и пр., так и более сложные формы, которые встречаются в одном высказывании не менее двух раз и вызываются к жизни автоматически: *может быть, наверно(е), потому что, поэтому* и др.;

3) второй уровень – это уровень «аттрактора» (или темы), к которому относятся все повторяющиеся в данном высказывании элементы, не являющиеся автоматизмами. Это типы повторяющихся конструкций, модальность и позиция говорящего, выраженная личными местоимениями или их отсутствием;

4) высший, третий, уровень – это уровень «сингулярностей», т. е. неповторяющихся элементов; демонстрирует исключительно индивидуальные речевые характеристики, «индивидуальную манеру», отличающую данного говорящего от всех остальных [23 Верхолетова 2010: 9-10].

Об автоматизмах говорила и Т.А. Ладыженская, называя их «квазисловами», «вносимыми в речь бессознательно, автоматически, по инерции», которые теряют основные признаки слова: фонетическую самостоятельность и семантическую функцию [44 Ладыженская 1998: 5]. Все слова, которые могли выступать в качестве таких вставных единиц, были поделены исследователем на 4 группы:

1) лексемы с наименее конкретным, обобщенным, широким значением, которые являются родовыми названиями, гиперонимами;

2) указательные, притяжательные, определительные местоимения, которые в контексте не конкретизируются, а, напротив, утрачивают определенное значение (*такой, тот, самый, тут, когда*);

3) субъектно-модальные частицы, значение которых проявляется только в контексте, речевой ситуации (*именно, действительно, ну вот, вот именно*); 4) вводные слова, сочетания слов и предложения, которые часто бывают свободными от семантической функции и только свидетельствуют о поиске

выражения (*так сказать, знаешь, значит, понимаешь, надо сказать, собственно говоря, это самое*) [44 Ладыженская 1998: 11-13].

Как видно из представленных классификаций, класс прагматем неоднороден: здесь встречаются слова разной частеречной принадлежности, конструкции, которые могут быть предложениями или словосочетаниями, слова-паразиты и вводные слова, которые и в кодифицированном языке до сих пор стоят особняком. Однако и здесь есть своя система. Так, можно найти примеры синонимических отношений различных конструкций: на лексическом уровне:

всё это Н что когда вот @ ***ты понимаешь*** *@ когда вот это планирование было / всё знаешь что всё все это будет зарплата тэ-тэ-тэ / и всё это знаешь вот как бы / человек ждал / ждал / а потом е... а потом раз / оп-оп-оп / и ты понимаешь / что ничего такое () / оказывается не происходит* (ОРД);

на уровне грамматики:

а когда бутылка закрыта / ***знаете*** */ *П до... допивать её (...) стыдно // @ ну вот она продегустирует ... @ ну открывать / ну что же это... / а когда она уже открыта ... @ а* ***ты знаешь*** */ иногда вот хочется выпить / а она (...)* закрыта (ОРД).

В одном контексте (обращенном, по-видимому, к одному и тому же собеседнику/собеседникам) употребляются две разных грамматических формы практически без дифференциации по числу.

Ученые отмечают закономерности употребления тех или иных конструкций в зависимости от различных факторов. Так, О.Б. Сиротинина считает, что у людей с более высоким уровнем речевой культуры заполнители пауз не только разнообразны и не бросаются в глаза, но и более сложны по структуре и выполняемым функциям [64 Сиротинина 2013: 71-73]. Намного больше факторов, влияющих на состав вставных элементов, выделяет Т.А. Ладыженская. Среди них такие: число говорящих (монолог/диалог/полилог), ограниченность во времени, общность апперцепционной базы, характер эмоционального состояния говорящих, различные условия осуществления

речевого акта (взаиморасположение партнеров коммуникации, официальность/неофициальность обстановки, отношения между партнерами коммуникации и др.) [44 Ладыженская 1998: 7].

Неоднородность класса прагматем позволяет построить некую шкалу *степеней прагматикализации*: от менее десемантизированных к утратившим значение полностью и имеющим лишь функцию как внутри класса (вводные слова → аппроксиматоры → ксенопоказатели → дискурсивные маркеры → дейктические единицы → вербальные хезитативы → ритмообразующие вставки), так и для отдельной единицы

Каждая прагматема имеет свои особенности и в плане грамматики, и в плане функционирования.

На следующем этапе происходит лексикализация прагматем в повседневном общении, которая связана с общим автоматизмом спонтанной речи и закреплением прагматической функции за конструкцией в целом в определенной коммуникативной ситуации. Это ставит задачу создания своеобразной типологии и дальнейшего лексикографического описания прагматем нашей повседневной речи.

Прагматемы, функционирующие в устной речи, представленны Н.В. Богдановой-Бегларян, достаточно разнообразны. Основные их разновидности.

1. Междометные прагматемы

Междометные прагматемы отличаются от своих производящих (чаще всего этикетных) форм тем, что приобретают новую семантику, прагматику и просодику, а также синтаксическую независимость [15 Богданова-Бегларян]:

а) *так / заставка // вот заставка // а что ж это у меня получилось-то ?*П чистый лист / драсьте пожалста!* (ОРД);

б) *спроси пожалуйста / угу // ну давай! *П пока!* (ОРД);

в) *так // П допустим девятьсот четыре / # вот здесь напиши мне /# давай!* (ОРД).

Формы *давай/давайте* употребляются в повседневной речи в двух прагматических значениях: как этикетная форма прощания, синонимичная

пока, и как императив, обозначающий любое действие, к которому говорящий стимулирует собеседника.

2. Зависимость формы слова от намерений говорящего

К классу прагматем отнесятся и употребления слова *тысяча,* которое реализуется, в зависимости от намерений говорящего, то в полной, то в редуцированной форме, ср.:

а) с намерением сгладить, преуменьшить сумму:

такую ставку маленькую / он девять тыщ получал / что-то в таком духе (ОРД);

по двенадцать-то тыщ я бы и сам платил / даже за однокомнатную (ОРД);

б) с намерением выделить, преувеличить сумму:

вот (э-э) эта самая девушка как раз (...) говорит / что... / вот оказывается она очень дорого стоит где-то там (э-э) больше двух тысяч один (...) сеанс (ОРД);

Иногда подобную дифференциацию форм можно наблюдать в одном и том же контексте, в диалоге говорящих, по-разному относящихся к конкретной сумме:

[Муж. 2, муж.] *Восемьсот тыщ за каждого*. [Юля, жен.] *Восемьсот?* [Оля, жен] *Тысяч?* [Юля, жен] *За каждого?* [Муж. 2, муж.] *Да / за каждого* (Разговоры за игрой в карты (2009)) [ЗЗ Звуковой корпус. 2014].

3. Дискурсивные единицы в разных функциях

Утратив (полностью или частично) свое лексическое значение, многие единицы дискурса (дискурсивные единицы в широком смысле слова) начинают выполнять в нашей речи довольно большое количество разнообразных функций, что дает основания включить их в класс прагматем.

1) Хезитативные маркеры

Наиболее универсальной такой функцией является хезитативная: вербальное заполнение паузы хезитации (речевого колебания). Именно такие единицы уместно называть также вербальными хезитативами. В потоке речи

они употребляются либо самостоятельно, либо выстраиваются в более или менее протяженные хезитационные конструкции:

• *будет / (э-э) вот знаешь что / какой нам бабке-то дать?* (ОРД);

• *да там какие-то / эти самые / и (ещё вот) / что-то по-моему / она какие-то протоколы разногласия пишет // я не знаю* (ОРД). [33 Звуковой корпус. 2014].

2) Маркеры поиска

Не можете найти то, что вам нужно? Попробуйте сервис подбора литературы.

Такие маркеры часто являются полифункциональными и выполняют, наряду с поисковой (найденная единица всюду в примерах подчеркнута, хотя поиск может быть и неудачным), еще некоторые дополнительные функции, ср.:

•*ой / ха-ха я чего-то / я чего-то / я чего-то запомнила только конец // как они кота накормили / это самое // он начал / это самое / э-э ну это / как его //э-э ну з... /ж... / ну жареной свининой //значит / окунями // и он начал кататься валять по полу // кататься и валяться по полу* (САТ; пересказ) (+ хезитация); *ну у неё врал /(...) этот (...) прибор наверное* (ОРД) [13 Богданова-Бегларян 2013].

3.) Маркеры-рефлексивы

Особый класс прагматем образуют конструкции, появляющиеся в речи как своего рода реакция говорящего на произведенный поиск, оценка им степени адекватности найденной единицы изначальному намерению; условно они пока названы рефлексом поиска, или рефлексивами:

ничего не давала // П главное у неё сегодня этот () как его /(...) лабораторный день / или как сказать? (ОРД).

Предложенное понимание рефлексива находит соответствие и в других лингвистических исследованиях, ср.: «многие рефлексивы отражают раздумья автора над точностью и адекватностью номинаций, используемых для обозначения положения дел» [42 Кормилицына 2000: 21]

В спонтанной речи, используя подобные маркеры, говорящий как будто отстраняется от того, что уже сказал или собирается произнести, снимая с себя ответственность за точность номинации. В ходе спонтанного речепорождения, в условиях временного дефицита, такие ситуации возникают довольно часто [54 Подлесская 2013].

4) Дискурсивные маркеры

Довольно обширный класс дискурсивных прагматем, структурирующих устный текст, включает стартовые, направляющие (навигационные) и финальные маркеры, которые тоже часто оказываются *полифункциональными:*

• *знаешь / вот тоже слабое место бл[...]дь а? так стало быть я там / вот за кордоном / они ж не привыкли ремонтировать // они к этому не привыкли как у нас* (ОРД) (старт + мета-коммуникация);

• *далее / П значит мы (э...э) П (э...э) спис... берём / триста второй счёт / П триста второй двадцать два соответственно материалы // П должен быть / П триста второй / П двадцать три // П как (э...э) денежные документы* (ОРД) (навигация + старт нового фрагмента речи + хезитация).

5) Дейктические маркеры

Дейктическая функция в классе прагматем связана по преимуществу с дискурсивной единицей вот. На статус более или менее лексикализованной прагматемы претендует, как представляется, конструкция *вот (...) вот*, включающая и другие усилительные или указательные слова (*именно, только, этот, такой* и под.) или местоименные наречия разного типа (*так, там, туда*). Следует отметить, что слово вот в составе таких конструкций и в таких значениях словарями не зафиксировано, в то время как в материале исследования подобных примеров великое множество. В ряде случаев и здесь наблюдается полифункциональность выявленной прагматемы:

*обалдеть! *П вот этот вот знаешь / альбуцид / *П (э) закапать в глаза?* (ОРД) (+ хезитация + поиск);

это довольно смешно выглядит со стороны // ну / наверно всё // вот так вот (САТ; описание) (+ финал).

6) Метакоммуникативные маркеры

Прагматемы, выполняющие в устной речи метакоммуникативную функцию, в наибольшей степени сохраняют связь с семантикой исходной формы и также зачастую бывают полифункциональными, ср.:

*а сейчас /а сейчас они вот / (э...э) страховую да [а] сперва? *П (э...э) / ну у кого какая страховая / понимаешь [б] ? у кого большая / тому выгодно // а у кого (...) она не повышалася П вот* (ОРД).

7) Маркеры самокоррекции

В функции самокоррекции чаще всего выступает прагматема *это самое* (или ее варианты), хотя возможны и другие единицы. Часто с ними соседствует в речи и физическая (ничем не заполненная) пауза хезитации (J) (фрагменты текста, подвергшиеся коррекции, в примерах подчеркнуты), иногда присутствуют и другие (сопровождающие коррекцию) хезитационные явления – повторы (*был ярк... J это самое J был J июльский день)* или метакоммуникативные вставки *(фу ты):*

мой хороший! позвонить мне / и узнать у меня ! П ты мне звонишь и спрашиваешь о чем угодно / но об этом В спросила бы / я бы тебе объяснила бы / В и ты бы () уже давно бы сделала / и мне бы / в полдесятого / нервы не трепала бы / с этой ерундой / дурацкой! с гектарами! П что они из вас / животноводов хотят () этих (...) фу ты () пахарей (...) чертовых вырастить / что ли? (ОРД).

8) Маркеры-ксенопоказатели (вводящие в повествование чужую речь).

Функция ксенопоказателя традиционно приписывается частицам. К давно описанным *мол, де, дескать* исследователи устной речи добавили в последнее время еще несколько единиц: *грит/гыт, ах, вот* и некот. др. [45 Левонтина 2010]. Н.В. Богданова-Бегларян предлагает в число прагматем включать лишь те из ксенопоказателей, которые способны выступать в устном дискурсе и в других функциях (обнаруживают полифункциональность), ср.:

она говорит / ну как там вообще изменилось там что-нибудь ? я говорю ты знаешь говорю / просто я сама сама говорю изменилась (ОРД) (+ старт чужой (в данном случае - передаваемой своей) речи + метакоммуникация);

пришел домой мама мне сказала господи чё ты такой пьяный иди спи вот (САТ; рассказ) (+ финал чужой речи);

ну вот // П и тут звонок в дверь // стоит этот мужик // П типа того что блин / П Х П давайте общаться! (ОРД);

Сторож, Г.Светлани, муж, 82, 1895] А сперва пождут хозяина или звонят в союз охотников. Так и так / мол / разберитесь. Одна там такая есть (С. Ростоцкий, Г. Троепольский. Белый Бим, Черное ухо, к/ф (1977).

Из последнего примера видно, что «старые» ксенопоказатели вполне могут соседствовать в устной речи с «новыми», подтверждая и усиливая эту их прагматическую функцию, ср.:

[Мать, жен, 54] *К Надьке подхожу и говорю / Надь / почему так произошло? / молчит / вот так / знаешь / типа / мол / не твоё дело* (Рассказ о работе // Из коллекции НКРЯ, 2006).

9) Ритмообразующие маркеры

Ритм в естественной речи создается, прежде всего, просодическими средствами: темп, паузация, чередование ударных и безударных гласных, вся система ударений [72 Черемисина 1999: 38]. Однако «не последнюю роль в создании «гармонии речевого потока» играют и дискурсивные единицы как функциональные элементы звуковой цепи [13 Богданова-Бегларян и др. 2013: 10]. Это и дает основания выделить еще один класс прагматем нашей повседневной речи – ритмообразующие маркеры. Следующие примеры размечены с учетом относительной изохронности определенных фрагментов устного текста:

слушай / где-то (...) | *берут эти (...)* | *взрывные* | *вещества* (ОРД);

девять тысяч там | *с копейками* (ОРД);

там чтобы | *не воровали* | *ничего* (ОРД).

Во всех приведенных контекстах изохронность создается, в числе прочего, и с помощью специальных маркеров, выполняющих ритмообразующую функцию, что не исключает наличия у них и других – поисковой, например, или хезитационной (снова налицо полифункциональность исследуемых прагматем).

10) Маркеры-аппроксиматоры (заменители всего перечисления или его части).

Известно, что одной из главных движущих сил языковой эволюции является закон экономии, проявляющийся, в частности, в компрессии устного текста, которая достигается разными средствами. Среди этих способов можно отметить и такое явление, как замена говорящим одной единицей части начатого перечисления или всего перечисления полностью. Для этой цели используются разнообразные заменители, маркеры-апроксиматоры Они выступают в речи как знаки того, что перечисление возможно (полная замена, результат действия «стратегии замещения») или может быть продолжено (частичная замена, «стратегия совмещения») [54 Подлесская 2013]. Стандартный (литературный), в первую очередь письменный, язык предоставляет для этого некоторые возможности, такие, как *и так далее, и тому подобное, и другие, и прочее,* однако средства, используемые для этой цели в устной речи, гораздо богаче и разнообразнее. Можно говорить о целом классе дискурсивных единиц (прагматем), способных выступать в роли таких заменителей, ср.:

1) да / печать и так далее // ну(:) (у...у) у вас там это про... с... сро... строчки-то совпадут? (м...м) (ОРД);

2) *знаешь там / и так далее / вот человеку надо ставить конкретную задачу* (ОРД).

В ряде примеров этот названный член выступает как обобщающее слово, и тогда маркер-аппроксиматор фактически заменяет собой весь возможный в данном случае перечислительный ряд. В других контекстах этот маркер встраивается в середину ряда перечислений или предваряет его, беря уже на себя роль обобщающего слова.

Данный класс прагматем настолько обширен и разнообразен, что позволяет поставить вопрос о создании специального словаря подобных единиц, который может быть полезен во многих теоретических и практических исследовательских целях.

11) Маркеры-аппроксиматоры (заменители чужой речи)

Особый класс прагматем, также маркеров-аппроксиматоров, способен заменять в устной речи не перечисление или его часть, а полностью чужую речь:

[Юлия, жен, 18] *А / мы с тобой же были / помнишь / Настя и Катя. Аааа... Катьку я видела пару раз в университете / ну / мы с ней поскольку не общались / постояли / «привет-привет» там / бла-бла-бла* (Разговор подруг // Из материалов Ульяновского университета, 2007).

Очевидно, что во всех случаях использования подобных маркеров говорящий прибегает к стратегии замещения [16 Богданова-Бегларян 2014б].

БЛИН как орнаментальная клитика.

Еще один эволюционный процесс, протекающий в устной речи, демонстрирует слово *блин*, прошедшее за весьма короткое время путь от «детского ругательства», эвфемистического заменителя грубой инвективы, к просторечному, но уже привычному и очень распространенному междометию, зафиксированному целым рядом словарей, и далее – к вполне нейтральной орнаментальной клитике, ср.:

не / просто уже так привыкли блин (ОРД).

Утрата всякого значения, в том числе междометного, и переход к функции чисто клитической (может быть, где-то и ритмообразующей) дает основания и эту единицу причислить к классу прагматем русской устной повседневной речи. При этом постепенно утрачивается даже ее эвфемистичность: говорящий в одном контексте легко может употребить и слово *блин,* и его прототип (равно как и любые другие непечатные выражения):

чего открыл ты блин(?) свою бл[...]дь? (ОРД);

на х[...]й в цвет стен! П белый / (...)/ ну я с... сразу подумал / белый я говорю / ему с... его спрашиваю / белый блин красить? (ОРД) [15 Богданова-Бегларян 2014].

Итак. дискурсивы и дискурсивные слова – это слова-синонимы. Наиболее интенсивное развитие их в научных исследованиях получило последние три десятилетия. Интенсивно описанием их занимались как зарубежные лингвисты, так и отечественные, Классификациям дискурсивов (дискурсивных слов) были посвящены работы многих лингвистов. Особенное внимание им было уделено в трудах С.А. Андреевой, Е.Ю. Викторовой (Саратовский университет), Н.В. Багдановой-Бегларян (Санкт-Петербургский университет). В классификациях С.А. Андреевой и Е.Ю. Викторовой в основном обращено внимание на функции дискурсивных слов в дискурсе (независимо от статуса), официальности-неофициальности и т.д. Н.В. Богданова-Бегларян классифицирует дискурсивные слова главным образом в устной повседневной речи по лексическому и морфологическому (частечерчному признаку).

1.3. Методы изучения дискурсивных слов

Злоупотребление дискурсивами, особенно неумеренно частое использование одного и того же дискурсивного слова, превращает вспомогательные единицы в слова-паразиты и характеризует такого говорящего как носителя низкого уровня речевой культуры. Речь, перенасыщенная дискурсивами (хотя бы и разными), производит впечатление напыщенной и бессодержательной. Поэтому правильному, уместному, стилистически верному и разнообразному употреблению этих языковых единиц необходимо обучать как при преподавании родного, так и иностранного языка. К тому же нельзя забывать, что употребление дискурсивных слов имеет лингвокультурные особенности. Некоторые дискурсивы, хотя и являются переводными аналогами, в разных языках употребляются в различных ситуациях, имея иногда противоположное

значение (ср.: рус. *конечно вполне* нейтрально, а англ. *of course* сигнал раздражения и недовольства). Итак, дискурсивы – это ВКЕ, отличающиеся большим структурным, семантическим, функциональным разнообразием. Они могут передавать вспомогательную (регулятивную и дискурсивную) информацию в чистом виде, а могут сочетать ее с фактуальной информацией, представляя собой в таком случае синкретичные единицы. Синкретичность свойственна также и ВКЕ внутри собственно дискурсивных слов. Множество ВКЕ существует в виде поля с центром и периферией, выделяемых на основе семантики и прагматики исследуемых коммуникативных единиц. Однако, несмотря на свое разнообразие ВКЕ составляют единый класс слов и выражений, служащих для передачи регулятивной и дискурсивной информации, принадлежащих речеорганизующему уровню коммуникации и выполняющих функции организации дискурса и демонстрации автором своего отношения к речи и ее содержанию.

Человеческие отношения с лингвистической точки зрения представляют собой сложную сеть межличностных коммуникаций. Ежедневно мы вступаем в коммуникативное взаимодействие с десятками других людей (дома, на работе, в общественном транспорте, в магазине и т. д.), каждый из которых обладает собственным, уникальным набором личностных и коммуникативных характеристик. Важно, чтобы это коммуникативное взаимодействие происходило эффективно и беспрепятственно. Для этого выработаны этические и коммуникативные нормы, осуществляющие функцию регулирования и упорядочения коммуникации. С их помощью говорящий может рассчитывать на то, что он будет услышан и правильно понят в каждой отдельной коммуникативной ситуации [1 Акульшина Соблюдение коммуникативных норм 2014].

Дискурсивный анализ иногда определяется как анализ языка «за пределами предложения». Это широкий термин для изучения того, как язык используется между людьми в письменных текстах и разговорном контексте. «Изучение

реального использования языка реальными ораторами в реальных ситуациях», – писал Т. А. ван Дейк в «Руководстве по анализу дискурса».

Дискурсивный анализ предполагает, первую очередь, анализ устной речи, и, прежде всего, повседневной. Именно повседневная жизнь во всем ее многообразии представляет подлинный интерес для представителей «человековедческих» дисциплин. Со времен Сократа нет для человека более интересного объекта изучения, чем он сам» [55 Полякова 2014]. Закономерно возникший «во второй половине XX века интерес ученых разных специальностей к повседневной жизни людей не случаен, от науки потребовалась определенная систематизация чрезвычайно разнообразных составляющих современного образа жизни и поведенческих стереотипов» [67 Тимофеева 2014]. Так, «философия повседневности нашла свое отражение в трудах ученых «Серебряного века» В. В. Розанова, И. А. Ильина, а позднее в работах М. М. Бахтина и Г. Г. Шпета. Проблемы психологии обыденного сознания исследовались Л. С. Выготским, вопросы частной жизни людей в историко-культурном и этнографическом аспектах рассматривали в своих трудах М. Г. Рабинович, О. М. Фрейденберг, Л. С. Семенова и мн. др. Устную речь и особенно повседневного, бытового общения исследовали многие отечественные ученые-лингвисты: Е. А. Земская, О.А. Лаптева, О.Б. Сиротинина, создавшие три фундаментальные филологические школы по изучению т.н. разговорной речи (далее – РР). Ее изучению посвятили свои труды Китайгородская и Розанова [38 Китайгородская, Розанова 2010: 11].

Метод дискурсивного анализа впервые был сформулирован Дж. А. Лорио. Затем, в исследованиях М. Фуко понятие «дискурсивный анализ» стало относиться не к формальным лингвистическим аспектам, а к институционализированным моделям знания, которые проявляются в дисциплинарных структурах. Они функционируют на основе связи науки и власти. С 1970-х годов работы Фуко оказывают все большее влияние на лингвистические исследования. В современных европейских науках можно найти широкий спектр различных подходов, работающих с определением

Фуко и его теорией речевых актов. Мишель Фуко считает, что непонимание передаваемой информации может привести к тем или иным проблемам. Умение «читать между строк», различать фактические сообщения и поддельные новости, редакционные статьи или пропаганду – все это зависит от способности интерпретировать общение. Критический анализ того, что кто-то говорит или пишет, имеет первостепенное значение. Сделать шаг вперед, вывести дискурсивный анализ на уровень области исследования – значит сделать его более формальным, объединить лингвистику и социологию. Этому могут способствовать даже области психологии, антропологии и философии. Разговор – это речевой акт, в котором один человек говорит, а другой слушает. Аналитики дискурса отмечают, что у говорящих есть системы для определения, когда роль одного собеседника заканчивается, а следующего – начинается. Этот обмен поворотами сигнализируется такими лингвистическими средствами, как интонация, пауза и фразировка. Некоторые люди ждут четкой паузы, прежде чем начать говорить. Другие полагают, что «сворачивание» – это приглашение выступить следующему. Когда выступающие имеют разные предположения о сигналах обмена поворотами, они могут непреднамеренно прервать или почувствовать себя прерванными. Нередко между говорящими возникает языковой барьер. Прослушивание тоже может пониматься по-разному. Некоторые люди ожидают частых кивков и отзывов слушателей, таких, как «угу», «ага» и «да». Если этого не происходит, у говорящего создается впечатление, что его не слушают. Но и слишком активные отзывы дадут ощущение, что говорящего торопят. Для некоторых зрительный контакт ожидается почти постоянно, для других он должен быть только прерывистым. Тип реакции слушателя можно изменить. Если он выглядит незаинтересованным или скучающим, необходимо замедлить речь или повторить. Этому помогают дискурсивные маркеры. Данный термин определяет очень короткие слова, такие как «о», «ну», «а», «и», «э» и др. Они разбивают речь на части и показывают связь между ними. «О» подготавливает слушателя к неожиданному или только что вспомнившемуся пункту. «Но»

указывает на то, что следующее предложение противоречит предыдущему. Однако эти маркеры не обязательно означают то, что называет словарь. Некоторые люди используют «э» только для того, чтобы начать новую мысль, а некоторые люди ставят «но» в конце своих предложений, как способ мягко уйти. Понимание того, что эти слова могут функционировать по-разному, важно для предотвращения разочарования, которое можно испытать.

Анализ разговора заключается не в том, чтобы определить, какую форму принимает высказывание, а в том, что оно делает. Изучение речевых актов, таких, как комплименты, позволяет аналитикам дискурса спросить, что признается ими, кто и кому их дает, какую другую функцию они могут выполнять. Например, лингвисты отмечают, что женщины чаще делают комплименты и получают их. Существуют и культурные различия. Например, в Индии вежливость требует, чтобы, если кто-то похвалил одну из ваших вещей, вы предложили дать этот предмет в качестве подарка. Поэтому комплимент может быть способом что-то попросить. Сравнивая, как люди в разных культурах используют язык, аналитики дискурса надеются внести свой вклад в улучшение межкультурного понимания.

Дискурсивный анализ обычно определяется двумя взаимосвязанными способами. Во-первых, он исследует лингвистические феномены реальной коммуникации за пределами уровня предложения. Во-вторых, рассматривает первичные функции языка, а не его форму. Эти два аспекта подчеркиваются в двух различных книгах. Майкл Стаббс в своем «Анализе дискурса» относит анализ к лингвистической прагматике. Джон Браун в аналогичной работе пытается изучить язык «между строк». Дискурс и рамки «Рефрейминг» – это способ поговорить о возвращении и переосмыслении значения первого предложения. Фреймовый анализ – это тип дискурса, который спрашивает, какой деятельностью занимаются собеседники в момент своей речи? Что, по их мнению, они делают, разговаривая здесь и сейчас? Человеку очень трудно понять, что он слышит или читает, если он не в курсе, кто говорит или какова общая тема. Например, когда кто-то читает газету, ему нужно знать, читает ли

он новость, редакционную статью или рекламу. Это поможет правильно интерпретировать читаемый текст.

В отличие от грамматического анализа, который фокусируется на единственном предложении, дискурсивный анализ фокусируется на широком и общем использовании языка внутри и между конкретными группами людей. Он наблюдает разговорное, культурное и человеческое использование языка. Включает все «э», «э-мм», промахи языка и неловкие паузы. Не опирается на структуру предложения, словоупотребление и стилистический выбор, который часто может включать культуру, но не человеческий фактор. Дискурсивный анализ может быть использован для изучения неравенства в обществе: предвзятость в средствах массовой информации, расизм, сексизм и др. Он может рассматривать дискуссии вокруг религиозных символов, расположенных в общественных местах. Перевод языков таким методом может помочь даже политическим лидерам и правительству в целом.

Теория речевых актов связана с тем, как слова могут использоваться не только для представления информации, но и для осуществления действий. Эта теория принадлежит оксфордскому и американскому философам Дж. Л. Остину и Р. Дж. Серлю. За последние три десятилетия эта теория стала важным разделом языкознания. Так, Серль выделяет пять основных моментов, которых ораторы могут достичь в своих высказываниях. Это *агрессивная, сочувствующая, директивная, декларативная и экспрессивная* точки зрения. Такая типология позволила Серлю усовершенствовать классификацию перформативных глаголов Остина и перейти к аргументированной классификации иллокутивных сил высказываний. Теория речевого акта заметным и разнообразным образом повлияла на практику литературной критики. Применительно к анализу прямого дискурса персонажем в литературном произведении она обеспечивает систематическую, но иногда громоздкую основу для выявления невысказанных предпосылок, следствий и последствий речи. Кроме того, теория используется в качестве модели, на которой можно переделать литературу в целом, и особенно прозаический

жанр. Один из наиболее важных вопросов, который некоторые исследователи оспаривают в предложенной Серлем типологии, касается того факта, что иллокутивная сила конкретного речевого акта не может принимать форму предложения. Оно является грамматической единицей в формальной системе языка и не включает коммуникативную функцию [28 Дискурсивный анализ: понятие и роль в современной лингвистике fb.ru/article/466919/...].

Выводы

В первой главе даны понятия дискурса и дискурсивных слов, их характеристика, классификации, методы исследования.

Дискурс определяется как процесс живого речевого общения, при котором наблюдаются всевозможные отклонения от стандартной, нормированной письменной речи; в рамках социолингвистического подхода – это общение, рассматриваемое с позиций принадлежности коммуникантов к той или иной социальной группе или применительно к той или иной речеповеденческой ситуации, вербальная форма социального поведения, коммуникативный отрезок, модель перехода устной формы общения в письменную, социально детерминированный тип связи между ценностным содержанием и регулярно воспроизводимым и относительно устойчивыми (со своими целями, участниками, хронотопу) коммуникативными ситуациями.

Итак, дискурс – это коммуникативное явление, непосредственно текст или речь в действии в совокупности с экстралингвистическими факторами, когнитивными элементами; язык в его постоянном движении, вбирающий в себя многообразие исторической эпохи, индивидуальные и социальные особенности коммуниканта и коммуникативной ситуации.

Дискурс классифицируется по разным признакам. Наиболее приемлемой и общепринятой является последняя классификация дискурса (принятая за основу в классификации дискурса В.И. Карасиком).

1) *дискурсы повседневного общения*; 2) *институциональные дискурсы* 3) *публичный дискурс*; 4) *политический дискурс*; 5) *медиа-дискурсы*; 6) *арт-дискурсы*; 7) *дискурс деловых коммуникаций* (дискурс деловых переговоров, дискурс бизнес-коммуникаций); 8) *маркетинговые дискурсы*; 9) *академические дискурсы*; 10) *культурно-мировоззренческие дискурсы*.

Основной единицей дискурса в современной науке считается дискурсив, под которым понимается коммуникативная единица, выражающая коммуникативно-прагматическую информацию. Основными единицами дискурса считаются дискурсивы.

К дискурсивам в широком понимании этого термина исследователи относят не только отдельные слова различных частей речи (наречия (*соответственно, практически*), частицы (*только, именно, как бы, лишь*), союзы и союзные слова (*потому что, хотя, поэтому, однако*), вводно-модальные слова (*безусловно, возможно, разумеется, наверное, конечно*), но и словосочетания и выражения (*выше приводился, в том числе, таким образом, можно сказать*) и целые предложения (*разрешите напомнить следующие положения, речь идет о ситуации, обратимся к следующему вопросу*). Объединяет все эти единицы общая для них регулятивная и организующая роль в дискурсе.

Наряду с термином *дискурсив*, в последнее время широко используется термин *дискурсивные слова* (термины *дискурсив* и *дискурсивные слова* – синонимы), под которыми *понимаются* «единицы, обеспечивающие связность текста и отражающие процесс взаимодействия говорящего и слушающего». Главный критерий их – установление отношения между двумя (или более) составляющими дискурса.

Классифицируются дискурсивы по разным признакам. Одни классификации основаны на семантическом и прагматическом критериях, другие – на семантическом и функциональном призхнаках и т.п.

С.В. Андреева разграничивает в дискурсивах *коммуникативно-номинативный* ареал и *речеорганизующий*. Ею выделяются два основных типа дискурсивов: *дискурсивы-регулятивы* и *дискурсивы-организаторы*.

Дискурсивы-регулятивы выполняют *межличностную языковую функцию* и выражают *регулятивную информацию*. *Дискурсивы-организаторы* выполняют *текстовую функцию* и выражают *дискурсивную информацию*. *Дискурсивы*, будучи одним из средств организации дискурса, выступают в роли *вспомогательных коммуникативных единиц* (далее ВКЕ). С.В. Андреева к ВКЕ относит *собственно дискурсивы* (дискурсивные слова), *дискурсивные повторы, коммуникативы*.

Е.Ю. Викторова предлагает *семантическую и функциональную* классификацию дискурсивов. При изучении *коммуникативов*, по мнению Е.Ю. Викторовой, следует учитывать их разнообразие, так как они не менее гетерогенны, чем дискурсивы. С точки зрения выполняемых функций коммуникативы бывают *информативными* и *фатическими*. Четких функциональных критериев разграничения дискурсивов и коммуникативов не существует.

Понятие «дискурсивы»/ «дискурсивные слова» в широком понимании (включая вводно-модальные слова и конструкции, частицы, союзы, модальные глаголы, слова знаменательных частей речи, междометия) допустимо приравнивать понятию «вспомогательные коммуникативные единицы». «Дискурсивы» в узком понимании включают единицы с дискурсивно-регулятивным значением вводно-модальные слова и конструкции, а также частицы.

ВКЕ, ядро которых представлено дискурсивами (в узком понимании), представляют собой систему единиц, имеющую полевую структуру. Ядро ВКЕ образуют дискурсивы с прагматическим значением, представленные собственно дискурсивами (вводно-модальными словами и частицами). Дискурсивы, совмещающие пропозициональное и прагматическое значение, то есть синкретиченые дискурсивы (модальные глаголы и предикативы; предикативные (авторизующие) конструкции), формируют переходную зону. Синкретичные и собственно дискурсивы относятся к прагматическим

операторам. Различные типы ВКЕ являются вспомогательными только при условии их уместного разнообразного употребления.

Классификация дискурсивов применительно к устному дискурсу, предложена Н.В. Багдановой-Бегларян.

Н.В. Багдановой-Багдарасян отмечены особенности устной речи, которые способствуют появлению дискурсивов (дискурсивынх слов): 1) расширение круга значений единиц; 2) появление новых («несловарных») единиц; 3) изменение соотношения значений единицы (мена приоритетов); 4) ослабление семантической составляющей; 5) утрата единицей лексического значения и приобретение прагматического.

Прагматикализация и прагматема в устной повседневной речи предполагает лексикализацию прагматем в повседневном общении, в результате чего Н.В. Багдановой-Бегларян определены следующие разновидности прагматем: 1) междометные прагматемы; 2) зависимость формы слова от намерений говорящего; 3. дискурсивные единицы в разных функциях: а) хезитативные маркеры; б) маркеры поиска; в) маркеры-рефлексивы; г) дискурсивные маркеры; д) дейктические маркеры; е) метакоммуникативные маркеры; ж) маркеры самокоррекции; з) маркеры-ксенопоказатели (вводящие в повествование чужую речь); и) ритмообразующие маркеры; к) маркеры-аппроксиматоры (заменители всего перечисления или его части); л) маркеры-аппроксиматоры (заменители чужой речи).

Итак, классификациям дискурсивов (дискурсивных слов) посвящены работы многих лингвистов. В классификациях С.А. Андреевой и Е.Ю. Викторовой в основном обращено внимание на функции дискурсивных слов в дискрусе (независимо от статуса), официальности-неофициальности и т.д. Н.В. Богданова-Бегларян классифицирует дискурсивные слова главным образом в устной повседневной речи по лексическому, морфологическому и функциональному признакам.

Злоупотребление дискурсивами, особенно неумеренно частое использование одного и того же дискурсивного слова, превращает вспомогательные единицы в слова-паразиты и характеризует такого говорящего как носителя низкого уровня речевой культуры. Речь, перенасыщенная дискурсивами (хотя бы и разными), производит впечатление напыщенной и бессодержательной. Поэтому правильному, уместному, стилистически верному и разнообразному употреблению этих языковых единиц необходимо обучать как при преподавании родного, так и иностранного языка. К тому же нельзя забывать, что употребление дискурсивных слов имеет лингвокультурные особенности. Некоторые дискурсивы, даже аналоги, в разных языках употребляются в различных ситуациях, имея иногда противоположное значение.

Человеческие отношения с лингвистической точки зрения представляют собой сложную сеть межличностных коммуникаций. Важно, чтобы это коммуникативное взаимодействие происходило эффективно и беспрепятственно. Для этого выработаны этические и коммуникативные нормы, осуществляющие функцию регулирования и упорядочения коммуникации.

Дискурсивный анализ обычно определяется двумя взаимосвязанными способами. Во-первых, он исследует лингвистические феномены реальной коммуникации за пределами уровня предложения. Во-вторых, рассматривает первичные функции языка, а не его форму. В отличие от грамматического анализа, который фокусируется на единственном предложении, дискурсивный анализ фокусируется на широком и общем использовании языка внутри и между конкретными группами людей.

Дискурсивный анализ предполагает, в первую очередь, анализ устной речи, и, прежде всего, повседневной. Разговор – это речевой акт, в котором один человек говорит, а другой слушает. Нередко между говорящими возникает языковой барьер. Изучение речевых актов, таких, как комплименты, позволяет аналитикам дискурса спросить, что признается ими, кто и кому их дает, какую

другую функцию они могут выполнять. Существуют и культурные различия, которые следует учитывать, чтобы достичь межкультурного понимания.

Дискурсивный анализ может быть использован для изучения неравенства в обществе, может рассматривать дискуссии вокруг религиозных символов, расположенных в общественных местах. Перевод языков таким методом может помочь даже политическим лидерам и правительству в целом.

Теория речевых актов Дж. Л Остина и Р.Дж. Серля связана с тем, как слова могут использоваться не только для представления информации, но и для осуществления действий.

Глава 2. Функционально-семантический потенциал дискурсивных слов в русской и туркменской устной речи

2.1. Междометные дискурсивные слова в русской и туркменской устной речи

О междометиях и их особенностях втуркменском языке имеется диссертационное исследование О. Чарыяровой «Междометия в туркменском языке». Она называет междометия классом языковых единиц, предопределяемым системностью непосредственного общения, расширяющегося за счет производных междометий, а также семантико-функционального и формально-грамматического сближения о ними других

слов, используемых в роли единиц речевого этикета и пожеланий при выполнении обычаев и обрядностей [71 Чарыярова 1990].

В настоящее время во всех учебниках междометия являются самостоятельной частью речи, но чаще всего выделяются в особую группу, поскольку они не относятся ни к знаменательный, ни к служебный частям речи. Лексемы междометной части речи своей структурой существенно отличаются от единиц других лексико-грамматических классов. Они могут состоять из отдельных слов и словосочетаний. Коммуникативные свойства междометий проявляются в речи, но не все звуки, издаваемые человеком при эмоциях, ощущениях и т.д., являются междометиями, а только такие, которые социально осмыслены и служат средством общения между людьми. Некоторые лингвисты смешивают междометия с другими частями речи, например, с наречиями, модальными словами, частицами, звукоподражательными словами и т.д.

Междометия имеют определённую схожесть с эмоциональными частицами (в русском языке *ну, вот, даже*, в туркменском – *от, ай, ов, ха, май, а* и др.), Как и междометия, эти частицы характеризуются многозначностью. Многозначные эмоциональные частицы имеют генетическую связь с междометиями, поэтому их можно назвать междометными частицами. Эмоциональные частицы как и междометия, выражают модальные значения, что способствует их сближению. В то же время обнаруживаются функциональные различия между этими двумя классами слов: междометия в предложении обособляются, могут быть самостоятельными, словами-предложениями, а эмоциональные частицы в предложении входят в состав какого-либо члена предложения. Кроме экспрессивности учитывается и неизменяемость междометий, относительная обособленность в предложении и неспособность изменяться по парадигматический правилам той или иной части речи.

Исследователями отмечается отличие междометий от подражательных слов, которые ранее рассматривались в составе междометий. Однако отличие

междометий от подражательных слов состоит в семантическом, морфологическом и стилистическом планах. Аффиксированы междометия-обращения и междометия-фразеологизмы (в основном сращения), за счет которых постоянно пополняется класс междометий. По структуре междометия-фразеологизмы состоят из двух и более слов, по семантике же составляют единое целое.

Междометия как лексико-грамматическая категория по генезису делится на два класса слов: первичные (непроизводные) и вторичные (производные). Общим для них является обладание эмоционально-экспрессивными значениями, выражение различного чувства, волеизъявления, речевой этикет, ритуальность (обязательность произношения). Специфической же является их особая грамматическая (структурная) оформленность. Первичные междометия являются неизменяемыми словами, не имеющими специальных грамматических показателей. Вторая группа междометий «производные междометия» состоит из интерактивизированных слов (перешедших в разряд междометий из других частей речи), и междометий-фразеологизмов, имеющих свободную грамматическую парадигму и подчиняющихся структурным образованиям фразеологических единиц [46 ЛЭС 2002: 290; 71 Чарыярова 1990].

Различаются лексические пласты эмоциональных и императивных междометий, явления многозначности и однозначности в междометиях русского и туркменского языков. Ш.Ш. Сарыбаев пишет: «Основная функция междометий – это кратчайшее выражение чувств, эмоций, ощущений, настроений и волеизъявлений человека с целью сообщения их другому человеку» [62 Сарыбаев].

Основными критериями выделения эмоциональных междометий по общим признакам являются: I) выражение словом чувства, а на номинация; 2) отсутствие собственных структурных словообразовательных и формообразующих частей (аффиксов); 3) сопровождение междометных лексем разнообразной интонацией; 4) возможность сопровождения

междометных слов различными жестами, мимикой и др. [24 Виноградов 1972, 520].

Эмоциональные междометия могут выражать положительные и отрицательные чувства, настроения, ощущения человека. Отрицательная коннотация характеризует те междометия, которые выражают презрение, злорадство, брезгливость, негодование, укор и т.д. Положительную коннотацию имеют те междометия, которые выражают одобрение, восхищение и т.д.

Важным предоставляется исследование эмоциональных междометий о точки зрения содержания, коммуникативной, направленности, адекватности речевого акта данному коммуникативному намерению, передаваемого посредством спонтанной, разговорной речи, В этой связи О. Чарыярова выделяет следующие подгруппы эмоциональных междометий: а) междометия, выражающие радость, восторг, восхищение, удовольствие, одобрение, удовлетворение: *хегщан-элек, бушлук, ту-велема, берекелла, худая шукур, о-хов*; б) междометия, выражающие печаль, сожаление, тоску, тревогу, участие: *вах, арман, бэй-бэ, эй худай*; в) междометия, выражающие удивление, недоумение, испуг, страх, подозрение, недоверие: *вий, бэй, як, хи, ара, бай-ба, вай, ана, ай*; г) междометия, выражающие недовольство, потерянность, растерянноость, безвыходное положение, гнев, порицание, протест: *а хав, пахай, яъ, тоба, хех, бех, вай-эй, бо-оовв, хий, ери, пйй, хумы, вейг-вейт, уф;* д) .междометия, выражающие иронию, укор, презрение, угрозу, насмешку: *вй, бай-хо, пэх, хе-хе, ол, пах, хыы, хэ, эй, хей-ярн-э;* е) междометия,, выражающие субъективную оценку со значение« лукавства, утверждения, отрицания, уверения, подхалимства, любопытства, беспокойства, отрицательного душевного состояния, переживания моральной неприязни, сарказма и т.д.: *хайт-хайт, хэъ, ей, ё-хов, ащап боляр, хайыр, ягщц, хдп, бай-баёв, тоба ханы, элхепуо, пэх-хей, пу*; ё) междометный тип, выражающий физиолого-психическое состояние человека: *зй-вай, ах, вахгвах-ей, вэк, вэк-вэг-ей, эвх-ей, ваг-вах;* ж/ междометия, возникшие из религиозной лексики: *худая шкура,*

слава богу, не дай бог, боже;м эй худай, эй алла, эй тан, рьм, эниалла, ишалла, эстдгпнрылла.

По семантико-коммуникативной направленности междометия-фразеологизмы в туркменском языке делятся на следующие семантические, группы: I) благодарения и поздравления: *алкьш ве гутлаг сезлери*; 2) выражение отрицательных эмоций: проклятия, брань (зложелания):гаргыш сезлери; 3) языково-ситуативные формулы речевого этикета: сезлейиш этикасы; 4) ритуальные словосочетания, употребляемые при выполнении обычаев и обрядностей: дэп-дессурлар еринэ атирилендэ уланылян сезлер. Термин *умлук* – междометие образовано от слов: *хми - хуим - ум - умлемек - умлук*. Данный ряд состоит, соответственно: междометие – междометие – существительное – глагол – существительное.

Говоря о классе междометий, нельзя не отметить определённую схожесть с ними эмоциональных частиц *ай, ов, ха, май, а* и др. Как и междометия, они характеризуются многозначностью. Многозначные эмоциональные частицы имеют генетическую связь с междометиями, поэтому их можно назвать междометными частицами. В таких частицах, как *гоявври-эй, гел-эй, сен-айт, дийсен-ай* нетрудно распознать недавние междометия [71 Чарыярова].

Анализ междометных слов показал их социальную осознанность и специфические черты.

Поскольку междометия выражают эмоционально-экспрессивную оценку, неудивительно, что они широко используются в качестве дискурсивных слов. Как уже было выше сказано, к междометным дискурсивным словам Н.В. Богданова-Бегларян относит междометные прагматемы, которые, по ее мнению, отличаются от своих производящих (чаще всего этикетных) форм тем, что приобретают новую семантику, прагматику и просодику, а также синтаксическую независимость: *так, вот, а что ж это, драсьте пожалста, угу, давай, ну давай* и др.

Ею отмечено, что формы *давай/давайте* употребляются в повседневной речи в двух прагматических значениях: как этикетная форма прощания,

синонимичная *пока,* и как императив, обозначающий любое действие, к которому говорящий стимулирует собеседника.

В нашем материале (тексты живой речи студентов русского и туркменского отделений) показали следующее.

В речи русскоговорящих студентов в качестве междометных прагматем выступили следующие междометные слова. Как справедливо отметили Н.В. Богданова-Бегларян, одной из распространенных междометных прагматем выступает *давай/давайте* в функции прощания и в функции императива. Например:

– А давай его решим снова! – Ладно, давай, вот, например, по теореме Пифагора…(учащиеся школы мальчик и девочка 15 лет); – Давай бери шапку и выходи тогда. Я закрою. До завтра. – Ну пока (молодые люди по 19 л.). – Ну давай сначала расскажу – Давай (м. и м. – 18 л.); – Ну все, давай. – Ага, давай (м. по 18 л.); – Ну давай, увидимся. – Да я тебе позвоню. когда приеду. – О кей! (девушки лет 20).

В туркменской речи:

Gelin barik tayyar hemme zat – Давайте идите сюда все готово!

Ajykdm gelin makdonalds iymane gidyas! – Девочки давайте сегодня поедем в макдональдс (д. 23 г.)

Howwa dogry aydyan yone doktury internetden tapman sen garyndashyn bara shon tanysh doktury bolmaly ha? Sen aydpdyn— Да действительно давай только врача не из интернета а у твоей сестры знакомый врач есть да? (д. 23 г.)

В туркменской речи *давайте* используется только в форме императива.

Кроме этих междометных прагматем, а также междометной частицы *ну, ладно, кстати, да, так, о, так вот. о` кей, ух ты. ой да, едрит-мадрит, ага* и др. Мы к ним отнесли также *блин* (раздражение), супер, класс (восторг, похвала) и др. Примеры:

*О! мы сегодня гуляем! Я стипуху получил! (*парень 20 л.);

*– Какая ты красивая сегодня! – Ой, да полно! – Нет, правда!. Прическа, платьице…(*ж. 65 и 25 л.);

Едрит-мадрит, что ж творится-то вокруг? (девушка 22 г.).

Блин! Мне поставили трояк по языку! (девушка 18 л.);

Короче, он мне такое сказал!! (д. 20 л.);

– Мам, я гулять. – Так поздно? Ты что, с ума сошла? – Ну я же не одна пойду, а с друзьями. – Нет, надо было раньше идти, а не за компьютером сидеть. – Ну, мам! Вот всегда ты так! (мать – 40 л., дочь – 18 л.);

– Ух ты! – Да ты что, я так расстроился (м. 21 и 26 л.);

– Всебыло супер!. Я доволен как кот (м. – 20 л.).

– В туркменском языке междометные прагматемы: *хов, бола-лей, эй, дур, бай-бо, хиву, вахей, вайей хи-вуу* и др. Например:

– Хов, сен гитмедингми? – О, ты разве не ушел?

– Боля-лей, айдарын. – Ладно-ладно, скажу.

– Эй, сен яман гитдингов! – Эй, ты совсем охренел!

– Бай бо шолам гепми! – Тоже мне разговор!

- Хиву, гыз сенг тойынгмы? – Ого, девушка разве у тебя свадьба?

– Вахей, довулайипдир – Эх сломался.

–Ай набилеин мен – откуда мне знать. – Хи-вуу, шейлеми? – ааа, разве так? (речь юношей и девушек 20-22 л.).

Л: А ты держись? Замира: Нет. Л: Почему? Замира: Ну... как сказать потом объясню (девушки-туркменки по 22 г.).

В: Нааа... Okap yorsunmi? – Аа..ты учишься? (д. 23 г.)

К: Howwa soragyn bolsa beray – Да если у тебя есть вопрос задавай (д. 23 г.)

– Howwa aytmasa ozidem urolog onda Men ol bilen gurleship goreyin bize komek eder – Кстати да как раз её знакомый урологом работает наверно я с ней поговорю сегодня (д. 22 г.)

Итак, междометные прагматемы весьма разнообразны как в русском, так и туркменском повседневном общении. Однако в русском общении отмечены не только собственно междометия, выступающие в этой роли, но и слова, первоначально имеюшие иное лексическое наполнение, а затем перешедшие в междометные прагматемы: *давай, супер, класс, здра*сьте (в плане иронии,

неодобрения, несогласия, но не в плане приветствия). В речи туркмен подобные высказывания зафиксированы в меньшем объеме (*, боля-лей=ладно-ладно, бай-бо=тоже мне, кстати*). Преобладают междометные прагматемы первого типа: *хов, бола-лей, эй, бай-бо, хиву, вахей, хи-вуу*, выполняющие функцию привлечения внимания.

2.2. Глагольные дискурсивные слова в русской и туркменской устной речи

Группа глагольных форм с ослабленной семантикой, регулирующих речевое взаимодействие между участниками коммуникации (от привлечения внимания адресата на начальной стадии установления речевого контакта, поддержания речевого контакта в течение разговора и до доведения его до логического завершения), выполняющих в речевом акте различные прагматические задачи (вербализация хезитации, маркирование ренаратива и др.) и выступающих в функции дискурсивных слов или дискурсивных маркеров, в современных исследованиях называются *контактными* глаголами (КГ). Среди контактных глаголов выделяют две группы, которые различаются не только по форме, но и функционально: а) глаголы во 2-м лице ед. и мн. ч. и б) глаголы в форме императива: а) *знаешь/знаете, понимаешь/ понимаете, видишь/видите, представляешь/ представляете*; б) *(по)смотри/(по)смотрите, (по)слушай/(по)слушайте, глянь/гляньте, представь/представьте*.

Все названные контактные глаголы входят в семантическую группу глаголов интеллектуальной деятельности, и, список их может быть пополнен.

Контактные глаголы, по мнению исследователей, делятся на две группы и семантически.

Л.Г. Бабенко включает все глаголы из группы императивов в класс глаголов восприятия, тогда как другая группа является глаголами понимания [65 Словарь рус. яз. 1984: 303-316]. Глагол *видеть* включен в оба семантических

класса. Можно предположить, что эта особенность определенным образом отразится на его функционировании в качестве метакоммуникативной прагматемы. Кроме того, контактные глаголы делятся на две группы в зависимости от вида. Только слова из группы императивов могут быть представлены в качестве КГ и в совершенном виде (СВ), и в несовершенном (НСВ). Исключением является глагол *представить/представлять,* который в форме СВ попадает в группу императивов (*представь*), а в форме НСВ (*представляешь*) – в группу с глаголами *знаешь, понимаешь* и др. [56 Прагматемы – Функционирование контактных глагольных форм в...].

В исследуемом нами материале при сравнении диалогов повседневной устной речи русских студентов и туркменских обнаружено следующее. В качестве дискурсивов в речи русских студентов (и не только) наиболее часто встречаемыми оказываются глаголы *смотри, прикинь, извини, видишь, слышишь/слышь, значит*, *извини* и др.

– Смотри, по-моему, эта куртка слишком дорогая для своего качества. – Ага, разъедется по швам через месяц (ж. 45 л.. м. – 55 л.);

Ну извини, мне пришлось погулять с собакой (ж.-38 л.)

Прикинь, она не сделала маникюр и пришла на день рождения! (д. 19 л.);

Вот видишь, стоило только постараться. И все получилось! Молодеец! (похвала, м. 26л.);

На паре прикинь в тот раз тест писали, я всё решшила единственная в группе (д .18 л.).

Бога ради, прости, я не знала, что так выйдет!. Не обижайся. Пожалуйста. Вот увидишь, я заглажу свою вину (д. – 21 г.)

Хм, что бы тебе такого посоветовать… Знаешь, я бы. будь я на твоем месте, не раздумывая сделала это. Но тебе самой надо решить, жизнь-то твоя (ж. -25 л.).

Ты свободен 16-го числа? Не знаю, захочешь ты или нет, но я предлагаю в этот день сходить в кино, как думаешь? (м. – 24 г.).

Ну ничего себе, вот это ты красавица с новой прической! (ж .– 27 л.).

Смотрите, какая я мастерица на все руки! И пирог испекла, и квартиру в божеский вид после ремонта привела, да и интерьер сама придумала! (ж. – 30 л.)

Я значит пришла на репетицию, а Яна мне такая говорит, что они значит изменили все выступление (д. – 17 л.).

Ты значит типа объясняешь домашнее задание, а ты типа не понимаешь? Что, блин, вообще происходит? (д. – 19 л.).

Она так сказать готовится к экзамену. Собственно говоря, ее лучше не отвлекать (М. – 65 л.)

Нет, собственно говоря, об этом у нас речи не было (м. - – 30 л.).

Короче, они поехали за платьем в центр. Ну там же много магазинов. И, короче, они обошли 12 магазинов, прежде чем нашли то. что нужно, прикинь!? (д. – 25 л.)

Я говорю «иди сюда», а он говорит «хорошо» (м. – 25 л.).

Зелени нет, хочешь, сходи купи (д. -20 л.).

– Есть? – На. – Я другую хотел. – Не дам. – Слышь, я покупал. – Да задолбал ты (м.- по 30 л.).

– Мам, я гулять. – Так поздно? Ты что, с ума сошла? – Ну я же не одна пойду, а с друзьями. – Нет, надо было раньше идти, а не за компьютером сидеть. – Ну, мам! Вот всегда ты так! (мать – 40 л., дочь – 18 л.);

– Прикинь, у меня двойка! – А чё, ты не готовилась что ли? – Ну, я как бы, прочитала и все. – Ты реально надеялась, что это прокатит? – Да блин! Она говорила, типа спросит не всех! (девушки по 17 л.)

В разговоре студентов-туркменов встретилдись дискурсивы *дур – стой, вайей – смотрите;*.

– Эй, сен яман гитдингов! – Эй, ты совсем охренел! (м. 20 л.)

– Дур, эшитдингми сен? – Стой, ты слышал...? (м. 22 г.)

– Вайей, мунунг болайшыны! – Смотрите, как ведёт себя!(д. – 21 г.)

– Серетде дур, гайдып гелер шол. – Смотри-ка , он/она вернётся (д. – 24 г.).

– Серетде дур, горкезерин санга! Смотри-ка, я покажу (накажу) тебе!(д. – 25 л.).

– Айтдым мен, наче гезек айтдым! Сказал же я, сколько раз сказал!(м. 28 л.)

– Замира: ну... Как сказать потом объясню (д. 22 г.).

– Ну, как сказать, я не знаю, я просто увидела его в рекламах (д. 23 г.).

Глагольныые прагматемы в русском общении оказались разнообразнее и в количественном, и в качественном отношении. В туркменском общении в основном встретились *стой, смотрите, как сказать*.

2.3. Дискурсивные слова с междометным компонентом в русской и туркменской устной речи

Междометия могут выступать в языке в функции модального компонента. Авторы «Русской грамматики» 1980 г. говорят о двоякой реализации этой функции междометия в предложении. В одних случаях междометие используется как вводное слово: *«Поскользнулась – и бац! – растянулась»* (А. Блок). В других случаях модальная функция междометия неотделима от общего значения предложения, а междометие – от самой конструкции предложения; *Ох и красота! Ах годы-годы! Эк куда метнул!* К выполнению последней функции способны только собственно эмоциональные междометия, преимущественно первообразные.

С модальной функцией междометия смыкается функция интенсификации (усиления) качественного или количественного признака, выраженного какой-либо знаменательной частью речи. В этом случае междометие помещается непосредственно перед словом, обозначающим самый признак или выносится в синтаксическую позицию зависимого предложения: *У! Какая образина! Волосы –щетина, очи – как у вола; Тетка моего деда бывало расскажет – люли только!* (Гоголь) [61 Русская грамматика 1980, 1: 735].

Такие междометные компоненты, использующиеся в качестве вводных слов и в функции интенсификации, отмечены и в дискурсивных словах как в русской, так и туркменской речи. Например:

В туркменской речи:

– Бай бо шолам гепми! – Тоже мне разговор!

– Вахей довулайипдир – Эх сломался.

–Ай набилеин мен! – Откуда мне знать! – Хи-вуу шейлеми? – Ааа разве так?

– Здравствуйте! Вот это как вам? (д. 22 г.)

В русской речи:

Вот оно что! Так и говори! (д. – 19 л.

Спасибо. Дай Вам бог здоровья! (ж. – 70 л.)

Ой да когда я тебя подводила! (д. 19 л.)

Да не торопись, мне он пока не нуже (д. – 18 л.).

Ну ты ваще что творишь! (м. - 23 г.).

Даже и не думай грустить по этому поводу! (д. – 20 л.)

Ну ты мастер впутываться в разные истории! (м. – 25 л.)

Офигеть! Нет ну ты это видела? (д. – 18 л.)

В качестве междометных компонентов дискурсивные слова используются в устной речи и русских, и туркмен.. Однако примеров подобных в русской речи оказалось больше, нежели в туркменской. Это можент быть связано с количеством собранного материала (в туркменской речи диалогов 5 и реплик 15,а в русской – диалогов не менее 300), а может быть связано и с большим разнообразием употребления дискурсивных слов и словосочетений в русской речи в сравнении с туркменской. Есть основания полагать, что дискурсивы в туркменской речи начали приобретать разнообразие недавно, в то время как в русской речи они уже в большом количественном и качественном разнообразии используются не менее 30 лет. Если в в 80-90-у годах 20 в. дискурсивы в русской речи были более однообразны и встречались чаще в качестве слов – паразитов (*так сказать, это самое, это, ну, вот, значит*,, блин и некоторые другие), то в конце 90-начале 2000-х гг. появились: сначала

ельцинское *знаешь, понимаешь*, затем из передачи «Дом-1» и «Дом-2» – *типа, как бы*, за ними – *короче, короче говоря, собственно говоря; в связи с интенсивным изучением английского языка и компьютеризации – бла-бла-бла, гоу, вау, окей; супекр, класс,* при этом уже имеющиеся дискурсивные единицы никуда не исчезли, а стали использоваться еще интенсивнее*: блин, едрит-мадрит, ёшкин-макарошкин и мн. др.* В настоящее время можно уже создавать словарь из этих т.н. дискурсивных единиц, или слов. При этом они уже не воспринимаются как слова-паразиты, а напротив, показывают довольно-таки высокий уровень владения речью и культурой общения, так используются разнообразно и с учетом соответствующего значения. В туркменском языке подобное явление начинает изучаться, поэтому подобные явления находятся в процессе развития. Отсюда и дискурсивы не так часты в речи, как в русском языке.

Выводы

Во второй главе рассмотрен функционально=-междометный потенциал дискурсивных слов в русской и туркменской речи. Определено понятие междометий как класса языковых единиц, предопределяемых системностью непосредственного общения, расширяющегося за счет производных междометий, а также семантико-функционального и формально-грамматического сближения о ними других слов, используемых в роли единиц речевого этикета и пожеланий при выполнении обычаев и обрядностей, Определены их основные функции в речи: эмоциональная, императивная, интенсивно-оценочная, этикетная. Показано разграничение междометий как лексико-грамматического класса слов и самостоятельной части речи и других, близких им частей речи: частиц, наречий, модальных и звукоподражательных

слов. Дано представление о первичных и вторичных (производных) междометиях.

Используя исследование О. Чарыяровой, мы сопоставили междометия в русском и туркменском языках.

Поскольку междометия выражают эмоционально-экспрессивную оценку, они широко используются в качестве дискурсивных слов.

В нашем материале (тексты живой речи студентов русского и туркменского отделений) показали следующее.

В речи русскоговорящих студентов в качестве междометных прагматем выступили следующие междометные слова. Одной из распространенных междометных прагматем выступает *давай/давайте* в функции прощания и в функции императива. Однако в русской речи эта прагматема используется в обеих функциях, в туркменской – только в одной: императивной.

Кроме этой прагматемы, широко используются такие прагматемы, как: *ну, ладно, кстати, да, так, о, так вот. о` кей, ух ты. ой да, едрит-мадрит, ага* и др. Мы к ним отнесли также *блин* (раздражение), *супер, класс* (восторг, похвала) и др.

В туркменском языке междометные прагматемы: *хов, бола-лей, эй, дур, бай-бо, хиву, вахей, вайей хи-вуу* и др.

Междометные прагматемы разнообразны и в русском, и в туркменском повседневном общении. Однако в русском общении отмечены не только собственно междометия, выступающие в этой роли, но и слова, первоначально имевшие иное лексическое наполнение, а затем перешедшие в междометные прагматемы: *давай, супер, класс, здра*сьте (в плане иронии, неодобрения, несогласия, но не в плане приветствия). В речи туркмен подобные высказывания зафиксированы в меньшем объеме (*боля-лей=ладно-ладно, бай-бо=тоже мне, кстати*). Преобладают междометные прагматемы первого типа: *хов, бола-лей, эй, бай-бо, хиву, вахей, хи-вуу*, выполняющие функцию привлечения внимания.

К глаголам с ослабленной семантикой, или контактных, относятся глаголы 2 л. ед. и мн. ч. (*знаешь/знаете, понимаешь/ понимаете, видишь/видите, представляешь/ представляете*) и глаголы в форме императива (*по)смотри/(по)смотрите, (по)слушай/(по)слушайте, глянь/гляньте, представь/представьте*).

При сравнении диалогов повседневной устной речи русских студентов и туркменских оказалось, что в качестве дискурсивов в русской речи наиболее часто используются глаголы *смотри, прикинь, извини, видишь, слышишь/слышь, значит*, *извини* и др.; в туркменской – *дур – стой, вайей – смотрите; как сказать*.

Офигеть! Нет ну ты это видела? (д. – 18 л.)

В качестве междометных компонентов дискурсивные слова используются в устной речи русских студентов чаще и более разнообразно, нежели в туркменской.

В настоящее время есть возможность создать из русских дискурсивов словарь, чего нельзя еще сказать о туркменских дискурсивах.

Заключение

Особыми единицами устного дискурса считаются единицы, восходящие к обычным лексемам, как полнозначным, так и служебным, в ряде своих употреблений в повседневной речи утрачивают (полностью или частично) лексическое и/или грамматическое значение и приобретают прагматическое. С учетом такой прагматикализации для них вводится термин прагматема. Предлагаемая типология прагматем включает более десятка различных разрядов: междометные прагматемы, хезитативные, дискурсивные и ритмообразующие маркеры, маркеры поиска и самокоррекции, маркеры ксенопоказатели, маркеры рефлексивы и маркеры аппроксиматоры, а также ряд др.

Весь анализируемый материал рассматривается на фоне специфических особенностей русской устной речи, обнаруживаемых на лексическом и дискурсивном уровнях анализа.

Особое внимание уделяется сопоставительно-сравнительной характеристике дискурсивных единиц, используемых говорящими в русском и туркменском языках. Поскольку до сих пор подобный анализ дискурсивных единиц не проводился, то этим в настоящее время определяется *актуальность* и *новизна* выпускной квалификационной работы.

Материалом исследования послужили устный неофициальный дискурс русской и туркменской речи (по 5 дискурсов говорящих на русском и туркменском языках – по 500 знаков в каждом дискурсе).

Объект исследования – дискурсивные слова, выписанные из материала исследования.

Предмет исследования – лексическое и прагматическое наполнение выписанных из материала исследования дискурсивных слов, их классификация и значение в русском и туркменском языках.

Цель исследования: провести сравнительно-сопоставительный анализ дискурсивных слов, имеющих место в русском и туркменском языках, определить и охарактеризовать их сходства и различия, а также основную роль их использования в анализируемых языках.

Задачи исследования:

1) охарактеризовать понятие «дискурсивные слова» в современной лингвистической науке;

2) описать принципы классификации дискурсивных слов и основные подходы к их изучению; представить имеющиеся в современной лингвистической науке классификации этих слов;

3) Описать основные методы изучения дискурсивных слов;

4) определить и охарактеризовать дискурсивные слова, имеющиеся в русском и туркменском языках;

5) описать сходства и различия в использовании некоторых дискурсивных слов в русском и туркменском языках, значимость их употребления в каждом языке.

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы на практических занятиях по изучению русского языка как иностранного, при изучении синтаксиса устной официальной и неофициальной речи, культуре речи.

В первой главе даны понятия дискурса и дискурсивных слов, их характеристика, классификации, методы исследования.

Дискурс определяется как коммуникативное явление, непосредственно текст или речь в действии в совокупности с экстралингвистическими факторами, когнитивными элементами; язык в его постоянном движении, вбирающий в себя многообразие исторической эпохи, индивидуальные и социальные особенности коммуниканта и коммуникативной ситуации.

Дискурс классифицируется по разным признакам. Наиболее приемлемой и общепринятой является последняя классификация дискурса (принятая за основу в классификации дискурса В.И. Карасиком).

1) *дискурсы повседневного общения*; 2) *институциональные дискурсы* 3) *публичный дискурс*; 4) *политический дискурс*; 5) *медиа-дискурсы*; 6) *арт-дискурсы*; 7) *дискурс деловых коммуникаций* (дискурс деловых переговоров, дискурс бизнес-коммуникаций); 8) *маркетинговые дискурсы*; 9) *академические дискурсы*; 10) *культурно-мировоззренческие дискурсы*.

Основной единицей дискурса в современной науке считается дискурсив, под которым понимается коммуникативная единица, выражающая коммуникативно-прагматическую информацию. Основными единицами дискурса считаются дискурсивы.

К дискурсивам в широком понимании этого термина исследователи относят не только отдельные слова различных частей речи (наречия (*соответственно, практически*), частицы (*только, именно, как бы, лишь*), союзы и союзные слова (*потому что, хотя, поэтому, однако*), вводно-модальные слова

(*безусловно, возможно, разумеется, наверное, конечно*), но и словосочетания и выражения (*выше приводился, в том числе, таким образом, можно сказать*) и целые предложения (*разрешите напомнить следующие положения, речь идет о ситуации, обратимся к следующему вопросу*). Объединяет все эти единицы общая для них регулятивная и организующая роль в дискурсе.

Наряду с термином *дискурсив*, в последнее время широко используется термин *дискурсивные слова* (термины *дискурсив* и *дискурсивные слова* – синонимы), под которыми *понимаются* «единицы, обеспечивающие связность текста и отражающие процесс взаимодействия говорящего и слушающего». Главный критерий их – установление отношения между двумя (или более) составляющими дискурса.

Классифицируются дискурсивы по разным признакам. Одни классификации основаны на семантическом и прагматическом критериях, другие – на семантическом и функциональном призхнаках и т.п.

С.В. Андреева разграничивает в дискурсивах *коммуникативно-номинативный* ареал и *речеорганизующий*. Ею выделяются два основных типа дискурсивов: *дискурсивы-регулятивы* и *дискурсивы-организаторы*. *Дискурсивы-регулятивы* выполняют *межличностную языковую функцию* и выражают *регулятивную информацию*. *Дискурсивы-организаторы* выполняют *текстовую функцию* и выражают *дискурсивную информацию*. *Дискурсивы*, будучи одним из средств организации дискурса, выступают в роли *вспомогательных коммуникативных единиц* (далее ВКЕ).. С.В. Андреева к ВКЕ относит *собственно дискурсивы* (дискурсивные слова), *дискурсивные повторы, коммуникативы*.

Е.Ю. Викторова предлагает *семантическую и функциональную* классификацию дискурсивов. При изучении *коммуникативов*, по мнению Е.Ю. Викторовой, следует учитывать их разнообразие, так как они не менее гетерогенны, чем дискурсивы. С точки зрения выполняемых функций коммуникативы бывают *информативными* и *фатическими*.

Понятие «дискурсивы»/ «дискурсивные слова» в широком понимании рекомендуется приравнивать понятию «вспомогательные коммуникативные единицы». «Дискурсивы» в узком понимании включают единицы с дискурсивно-регулятивным значением вводно-модальные слова и конструкции, а также частицы.

ВКЕ, ядро которых представлено дискурсивами (в узком понимании), представляют собой систему единиц, имеющую полевую структуру с ядром и периферией. Ядро ВКЕ образуют дискурсивы с прагматическим значением, представленные собственно дискурсивами (вводно-модальными словами и частицами). Дискурсивы, совмещающие пропозициональное и прагматическое значение, формируют переходную зону. Различные типы ВКЕ являются вспомогательными только при условии их уместного разнообразного употребления.

Классификация дискурсивов применительно к устному дискурсу, предложена Н.В. Багдановой-Бегларян.

Н.В. Багдановой-Бегларян отмечены особенности устной речи, которые способствуют появлению дискурсивов (дискурсивынх слов): 1) расширение круга значений единиц; 2) появление новых («несловарных») единиц; 3) изменение соотношения значений единицы (мена приоритетов); 4) ослабление семантической составляющей; 5) утрата единицей лексического значения и приобретение прагматического.

Прагматикализация и прагматема в устной повседневной речи предполагает лексикализацию прагматем в повседневном общении, в результате чего Н.В. Багдановой-Бегларян определены следующие разновидности прагматем: 1) междометные прагматемы; 2) зависимость формы слова от намерений говорящего; 3. дискурсивные единицы в разных функциях: а) хезитативные маркеры; б) маркеры поиска; в) маркеры-рефлексивы; г) дискурсивные маркеры; д) дейктические маркеры; е) метакоммуникативные маркеры; ж) маркеры самокоррекции; з) маркеры-ксенопоказатели (вводящие в повествование чужую речь); и)

ритмообразующие маркеры; к) маркеры-аппроксиматоры (заменители всего перечисления или его части); л) маркеры-аппроксиматоры (заменители чужой речи).

Итак, классификациям дискурсивов (дискурсивных слов) посвящены работы многих лингвистов, В работе представлены классификации С.А. Андреевой, Е.Ю. Викторовой и Н.В. Богданова-Бегларян.

Злоупотребление дискурсивами, особенно неумеренно частое использование одного и того же дискурсивного слова, превращает вспомогательные единицы в слова-паразиты и характеризует такого говорящего как носителя низкого уровня речевой культуры. Правильному, уместному, стилистически верному и разнообразному употреблению этих языковых единиц необходимо обучать как при преподавании родного, так и иностранного языка. Некоторые дискурсивы, даже аналоги, в разных языках употребляются в различных ситуациях, имея иногда противоположное значение.

Чтобы коммуникативное взаимодействие происходило эффективно и беспрепятственно, выработаны этические и коммуникативные нормы, осуществляющие функцию регулирования и упорядочения коммуникации.

Дискурсивный анализ обычно определяется двумя взаимосвязанными способами. Во-первых, он исследует лингвистические феномены реальной коммуникации за пределами уровня предложения. Во-вторых, рассматривает первичные функции языка, а не его форму. Дискурсивный анализ фокусируется на широком и общем использовании языка внутри и между конкретными группами людей.

Дискурсивный анализ предполагает, в первую очередь, анализ устной речи, и, прежде всего, повседневной. Нередко между говорящими возникает языковой барьер. Поэтому необходимо изучение речевых актов, учет культурных различий, , чтобы достичь межкультурного понимания.

Дискурсивный анализ может быть использован для изучения неравенства в обществе, может рассматривать дискуссии вокруг религиозных символов,

расположенных в общественных местах. Перевод языков таким методом может помочь даже политическим лидерам и правительству в целом.

Во второй главе рассмотрен функционально-междометный потенциал дискурсивных слов в русской и туркменской речи. Определено понятие междометий как класса языковых единиц, предопределяемых системностью непосредственного общения, расширяющегося за счет производных междометий, а также семантико-функционального и формально-грамматического сближения о ними других слов, используемых в роли единиц речевого этикета и пожеланий при выполнении обычаев и обрядностей, Определены их основные функции в речи: эмоциональная, императивная, интенсивно-оценочная, этикетная. Показано разграничение междометий как лексико-грамматического класса слов и самостоятельной части речи и других, близких им частей речи: частиц, наречий, модальных и звукоподражательных слов. Дано представление о первичных и вторичных (производных) междометиях.

Представлено сопоставление, с учетом исследования О. Чарыяровой, междометий в русском и туркменском языках.

Поскольку междометия выражают эмоционально-экспрессивную оценку, они широко используются в качестве дискурсивных слов.

При сопоставлении устной речи русских и туркменских студентов оказалось следующее.

В речи русских студентов в качестве междометной прагматемы выступила прагматема *давай/давайте* в функции прощания и в функции императива. Оказалось, что в русской речи эта прагматема используется в обеих функциях, в туркменской – только в одной: императивной.

Кроме этой прагматемы, широко используются такие прагматемы, как: *ну, ладно, кстати, да, так, о, так вот. о` кей, ух ты. ой да, едрит-мадрит, ага* и др. . в частности, *блин* (раздражение), *супер, класс* (восторг, похвала) и др.

В туркменском языке широко используются междометные прагматемы: *хов, бола-лей, эй, дур, бай-бо, хиву, вахей, вайей хи-вуу* и др.

В русском общении отмечены не только собственно междометия, выступающие в этой роли, но и слова, первоначально имевшие иное лексическое наполнение, а затем перешедшие в междометные прагматемы: *давай, супер, класс, здрасьте* (в плане иронии, неодобрения, несогласия, но не в плане приветствия). В речи туркмен подобные высказывания зафиксированы в меньшем объеме (*боля-лей=ладно-ладно, бай-бо=тоже мне, кстати*). Преобладают междометные прагматемы первого типа: *хов, бола-лей, эй, бай-бо, хиву, вахей, хи-вуу*, выполняющие функцию привлечения внимания.

К глаголам с ослабленной семантикой, или контактных, относятся глаголы 2 л. ед. и мн. ч. (*знаешь/знаете, понимаешь/ понимаете, видишь/видите, представляешь/ представляете*) и глаголы в форме императива (*по)смотри/(по)смотрите, (по)слушай/(по)слушайте, глянь/гляньте, представь/представьте*).

При сравнении диалогов повседневной устной речи русских студентов и туркменских оказалось, что в качестве дискурсивов в русской речи наиболее часто используются глаголы *смотри, прикинь, извини, видишь, слышишь/слышь, значит*, *извини* и др.; в туркменской – *дур – стой, вайей – смотрите; как сказать*.

В качестве междометных компонентов дискурсивные слова используются в устной речи русских студентов чаще и более разнообразно, нежели в туркменской.

В настоящее время есть возможность создать из русских дискурсивов словарь, чего нельзя еще сказать о туркменских дискурсивах.

Таким образом, цели и задачи, поставленные в выпускной квалификационной работе, выполнены.

Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка используемой литературы (75 источников), приложения общим объемом 83 с. (без приложения).

Список использованной литературы

1. Акульшина О.А.. Коммуникативная категория категоричности Edited by Foxit PDF Editor

2. Андреева С.В. Конструктивно-синтаксические единицы устной русской речи / под ред. О. Б. Сиротининой.– Саратов, 2005. – 119 с.

3. Андреева С.В. Еще раз о принципах выделения структурных единиц дискурса// Проблемы речевой коммуникации. Вып. 8. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2008. – С.52-59.

4. Андреева С.В. Русская устная речь. Принципы выделения и классификации единиц дискурса //II международная научная конференция «Язык и метод: русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Лингвистический анализ на грани методологического срыва». – Краков, 7-9 мая 2014. – (устное выступление).

5. Арутюнова Н. Д. Прагматика // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 389-390.

6. Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 3-42.

7 Бабаева Р. И. Незнаменательная лексика в немецком обиходном дискурсе (прагматический аспект). Автореф. дис. … докт. филол. наук. – М., 2008. – 42 с.

8. Баева Е. М. О способах социолингвистической балансировки устного корпуса (на примере «Одного речевого дня») // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – Вып. 4 (28), 2014. – С. 48-57.

9. Балли Ш. Французская стилистика. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1961. – 394 с.

10. Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. – М.: Помовский и партнеры, 1993. – 207 с.

11. Блинова О. В. Слушай, смотри, подожди, скажи, извини: частотные императивы как «коммуникативные девайсы» // XLV Международная филологическая научная конференция, Санкт-Петербург, 14–21 марта 2016 г.: Тезисы докладов. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2016. – С. 615-616.

12. Богданова-Бегларян Н. В. Кто ищет – всегда ли найдет? (о поисковой функции вербальных хезитативов русской спонтанной речи) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог» (2013) (Бекасово, 29 мая -2 июня 2013 г.). Вып. 12(19): в 2 т. Т. 1. Основная программа конференции / гл. ред. В. П. Селегей. – М.: РГГУ, 2013. – С. 125-136.

13. Богданова-Бегларян Н. В. Лингвистические этюды (о некоторых особенностях русской разговорной речи) // Вестник Пермского научного центра УРО РАН. – 2014а. №1 (Январь - Март).– С. 50-66.

14. Богданова-Бегларян Н. В. Еще о законе экономии в повседневной спонтанной речи // Коммуникативные исследования. – Омск, 2014б. №1.

15. Богданова-Бегларян Н. В. Об одной из самых частых единиц русской спонтанной речи: блин с лингвистической и социолингвистической точек зрения // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 13(20). По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог» (2014) (Бекасово, 4-8 июня 2014 г.) / гл. ред. В. П. Селегей. – М.: РГГУ, 2014в. – С. 76-82.

16. Богданова-Бегларян Н. В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология// Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – Пермь: Пермск. ун-т, 2014.Вып. 3 (27). – С.7 9.

17. Богданова-Бегларян Н. В., Кислощук А. И. Шерстинова Т. Ю. О ритмообразующей функции дискурсивных единиц // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2013. Вып. 2 (22). – С. 7-17.

18. Борисова Е. Г. Дискурсивные слова и референция в процессе понимания сообщения // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 13(20). По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог» (2014) (Бекасово, 4-8 июня 2014 г.) / гл. ред. В. П. Селегей. – М.: РГГУ, 2014. – С. 96-106.

19. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социо-Логос: Социология, антропология, метафизика. Вып. 1: Общество и сферы смысла. – М.: Прогресс, 1991.– С.39-50.

20. Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. – М.: Прогресс, 1978. – С 402– 421.

21. Вепрева И. Т. О социально-оценочной функции метаязыкового комментария в публичной речи // Политический дискурс в России – 3: материалы рабочего совещания. – М.: Диалог – МГУ, 1999. – С. 51-55. .

22. Вепрева И.Т. Что такое рефлексив? Кто он, homo reflectens? // Известия Уральского государственного университета. –, 2002., № 24 – С. 217-227.

23. Верхолетова Е. Ю. Структурно-динамический подход к социальной стратификации устной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пермь, 2010. – 19 с.

24. Виноградов В.В. Русский язык.– М.: Высшая школа, 1972, – 520 с..

25. Викторова Е. Ю. Коммуникативы в разговорной речи (на материале русского и английского языков). Автореф. дис. …канд. филол. наук. – Саратов, 1999. – 19 с.

26. Гладров В. Что такое структурные слова? О вопросе частей речи как проблеме взаимообусловленности уровней языка. URL: ru/abstracts/?id=10&type

27. Дейк Т.А. Ван. Язык. Познание. Коммуникация. – Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.

28. Дискурсивный анализ: понятие и роль в современной лингвистике fb.ru/article/466919/...

29. Дискурсивные слова русского языка: Опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Л. Киселевой, Д. Пайара. – М.: Метатекст, 1998. – 280 с.

30. Дискурсивные слова: единство в многообразии docplayer.ru/66572949-...

31. Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство: сб. ст. / под ред. К. Л. Киселевой, Д. Пайара. – М.: Азбуковник, 2003. – 206 с.

32. Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Ч. 1. Чтение. Пересказ. Описание / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. – 532 с.

33. Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Ч.2. Теоретические и практические аспекты анализа (Т. 2. Звуковой корпус как материал для новых лексикографических проектов) / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2014.

34. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
35. Касавин И. Т., Щавелев С. П. Анализ повседневности. – М.: РАН, Ин-т философии, Канон+, 2004. – 430 с.
36. Кибрик А.А., Плунгян В.А. Функционализм // Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – С. 276-339.
37. Киров Е.Ф. Цепь событий и дискурс в философии языка (начала дискурсивной лингвистики) // Вестник нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Филология. – Нижний Новгород, 2001, вып. 1(3). – С. 31-53.
38. Китайгородская М. В. Розанова Н. Н. Языковое существование современного горожанина. На материале языка Москвы. – М.: Языки слав. культур, 2010. – 496 с.
39. Классификация дискурсов – Лингвистические особенности политического... studwood.ru/1390357/literatura/...
40. Кобозева И., Захаров Е. Л. Означающее дискурсивных слов русского языка как объект когнитивно ориентированного описания : проблема мета языка // III Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». – М.: МГУ,2007 г. – С. 466.
41. Кормилицына М. А. Рефлексивы в речевой коммуникации // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2000. – С. 20-25.
42. Кормилицына М. Некоторые итоги исследования процессов, происходящих в языке современных газет // Проблемы речевой коммуникации / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. Вып. 8. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2008. – С. 13 – 34.
43. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (Обзор) // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: Сборник обзоров. – М.: РАН ИНИОН, 2000. – С. 7-25.

44. Ладыженская Т.А. Устная речь как средство и предмет обучения: Учебное пособие для студентов, аспирантов, преподавателей-филологов Изд. 2-е, перераб. – М.: Наука, Флинта, 1998 г. – 136 с.

45. Левонтина И. Б. Пересказывательность в русском языке. URL: http://www.dialog-18..ru/dialog 2010 / materials/html/44.htm..

46. Лингвистический энциклопедический словарь / Отв. ред. В.И. Ярцева. – М.: Научное изд-во «Большая российская энциклопедия», 2002. – 507 с.

47. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.

48. Малов Е., Горбова Е. Дискурсивные слова в русской разговорной речи (на материале анализа спонтанной разговорной речи) // Труды первого междисциплинарного семинара «Анализ разговорной речи». – СПб.: СПИИРАН, 2007, – С. 27 – 34. – 87 с.

49. Марианне В., Йоргенсен, Луиза Дж. Филлипс. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. – Харьков: Гуманитарный Центр, 2008. – 352 с.

50. Метакоммуникация в русской устной спонтанной речи otherreferats.allbest.ru/...

51. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1978. – 28 с.

52. Николаева Т.М. Краткий словарь терминов лингвистики текста // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1978, вып. 8. – С. 5-39.

53. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.., 1956..372 с.

54. Подлесская В. И. Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог» (2013) (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19): в 2 т. Т. 1. Основная программа конференции / гл. ред. В. П. Селегей. – М.: РГГУ, 2013. – С. 631-643.

55. Полякова И. П. Дом как пространство повседневности. Роль Дома в философии В. В. Розанова. URL: http:// www.culturalnet.ru/main/getfile/ 715 (2014). (дата обращения: 10.06.14).

56. Прагматемы – Функционирование контактных глагольных форм в...filling-form.ru/turizm/98540/...

57. Прибыток И. Английские сентенсоиды. – Саратов. Schiffrin D. Discourse markers. Cambridge: Cambridge University Press

58. Прохоров Ю.Е. Действительнось. Текст. Дискурс. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 224 с.

59 Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса / ред. А. А. Кибрик, В. И. Подлесская. – М.: Языки слав. культур, 2009. – 736 с.

60. Русакова М. В. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка / ред.: М. Д. Воейкова, Н. Н. Казанский, А. Ю. Русаков, С. С. Сай. – М.: Языки слав. культуры, 2012. – 568 с.

61. Русская грамматика. – М.: Наука, 1980, т. 1. – 784 с.

62. Сарыбаев Ж Междометия в казахском языка. – Алма-Ата, 1959. – 35 с. 63. Сиротинина О. О синтаксическом статусе некоторых компонентов дискурса // Oameni si idei : Studii de filologie. Cluj Napoca : Editura Risoprint, С

64. Сиротинина О.Б. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2013. – 116 с.

65. Словарь русского языка: в 4 т. Т. IV. С-Я. Изд. 2-е, испр. и доп. / ред. А. П. Евгеньева, Г. А. Разумникова. – М.: Рус. язык, 1984. – 792 с.

66. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца 20 века. – М.: Наука, 1995. – С. 35-73.

67. Тимофеева Т. Ю. Повседневность и ее история в научном познании: сосуществование в противоборстве. URL: http://www.hist.msu.ru/Depart-ments/McdemHist/sites/default/files/TimcfeevaTY.pdf (2014). (дата обращения: 10.06.14).

68. Томпсон П. Голос прошлого. Устная история / пер. с англ. – М.: Весь мир, 2003. – 368 с.
69. Уздинская Е.В. Компонент «ожидание» в семантике дискурсивов и его использование в газетном тексте// // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 15. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2015. – С 91 – 104.
70. Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. – СПб.: Норинт, 2004. – 768 с.
71. Чарыярова О. Междометия в туркменском языке. – Автореф. дис. …канд. филол. н. – Ашхабад, 1990. – 18 с.
72. Черемисина-Ениколопова Н. В. Законы и правила русской интонации: учеб. пособие. – М.: Флинта-Наука, 1999. – 520 с.
73. Шейгал Е. И. Рефлексивы в политической коммуникации // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 3. Аспекты метакоммуника-тивной деятельности. – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2002. – С. 133-141.
74. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. –М.: 1988. №2.– С. 129-137.
75. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.

Приложение

1. —Ajykdm gelin makdonalds iymane gidyas!— Девочки давайте сегодня поедем в макдональдс

—Yenemi yok- опять нет

—Name ucin name iyyas giclige—почему че будем кушать

—Bilmedim Men ashkazamyn agryya i name bolandadam Men dieta tutmaly bolyan. Duyn kyncylyk bilen ukladm agrydan—не знаю короче у меня болит желудок вот мне по любому надо держат диету. Вчера я с трудом уснула от боли

—Onda sen doktura gitmeli dokturyn ozi aydar name etmelidigini sana—прежде всего тебе нужно к врачу пусть он скажет что делать

—Howwa dogry aydyan yone doktury internetden tapman sen garyndashyn bara shon tanysh doktury bolmaly ha? Sen aydpdyn— да действительно давай только врача не из интернета а у твоей сестры знакомый врач есть да?

—Howwa aytmasa ozidem urolog onda Men ol bilen gurleship goreyin bize komek eder—кстати да как раз её знакомый урологом работает наверно я с ней поговорю сегодня

2. М:Ты работала стюардессой не много да?

М:Ты закончила только школу бордпроводника?

Р:Вообще-то я в университете училась 4 года у меня диплом.

М:где ты училась?

Р:кино и телевидение

М: что же ты делаешь здесь если у тебя диплом?

М:почему на телевидении не работаешь?

Р: потому что во первых мало мест, во вторых зарплату там 20 - 30 тысяч не особо там работать.

Р: Я изначально поступала на туризм мы год отучились и универ нам сказал вас мало мы вас раз формируем типо либо уходите другой универ на этот же туризм либо оставайтесь у нас но мы можем предложить вам другие специальности и предложили телевидение, реклама, менеджмент реклама была на тот момент очень дорогая, менеджмент я побоялась хотя дура надо было идти на менеджмент. Менеджмент я побоялась типа это экономика математика вот и пошла на телевидение почему не знаю.

Потом увидела девушку в инстаграме как она работает стюардессой она как раз с моего города вот начала узнавать у неё типа как пошла че по зарплате она говорит я койфую короче она устроилась в азор. Азор полтора или два года не набирает то есть наборы в Москве и в Питере он сейчас не в Москве не в Питере не собирает людей.

М:Наборы это когда типа раз полгода говорят девочки приходите кто хочет на собеседование?

Р: Да приходишь на собеседование понравилась они тебя берут не понравилась соответственно нет.

3. Menem corba icesm gelya! Я тоже хочу шурпу!

Bolya egin eshigini calshp gelay! —хорошо переодевайся

paketda salat bar ozm tayyarladm— В этом пакете салат есть я сама приготовила.

Gelin barik tayyar hemme zat —Давайте идите сюда все готово!

A sen name ucin cigirt cakmajak? А ты почему не хочешь семечки?

Men cakjak dal diydimmi—Я сказала не буду?

Howwa elbette! — да конечно!

palawam bar ekena iyjekmi?! —плов тоже ест оказывается будешь?!

yok нет

iki gun palaw iki gun grecka shondan son birhily iyesm gelenok—два дня плов два дня гречка кушал после этого как-то не хочется

elbette olar tagamly —конечно они вкусные

ine bogursagam bar ekeni—вот богурсак тоже есть оказывается.

Sen name ucin iymeyan? —почему ты не кушаешь?

Men size garashp hazir iypdim. —Я вас ждала и только что покушала

4. Хов, сен гитмедингми? - Ов, ты разве не ушел?

боля-лей, айдарын. - ладно-ладно, скажу.

эй, сен яман гитдинг-ов! - Эй, ты совсем охренел!

Дур, эшитдингми сен? - Стой, ты слышал...?

бай бо, шолам гепми! - тоже мне, разговор!

хиву, гыз сенг тойынгмы? - ого, девушка разве у тебя свадьба?

вахей, довулайипдир - эх, сломался. ай набилеин мен - откуда мне знать.

Вайей, мунунг болайшыны! - Смотрите, как ведёт себя!

Хи-вуу, шейлеми? - ааа, разве так?

Серетде дур, гайдып гелер шол. - Смотри-ка , он/она вернётся.

Серетде дур, горкезерин санга! Смотри-ка, я покажу (накажу) тебе!

Айтдым мен, наче гезек айтдым! Сказал же я, сколько раз сказал!

5. Замира:Привет как дела! Лейла:привет

Замира:у вас пара?

Лейла: нет мы пришли зачёт сдавать с соней

Замира: ты держись оразу?

Л:нет

Л:а ты держись?

Замира:нет

Л:почему

Замира: ну... Как сказать потом обясню

6. Лейла где ты купила этот свитшот?

Л: В интернет магазине

Д:это ты вчера купила?

Л: нет давно уже

З: ну.. Лейла я тоже хочу такой

Л:хорошо закажу тебе тоже

Л:я ещё ищу ну.. этого крема хорошего против моршин

Д: недавно вышел крем от лореал Париж

Л:Какой крем хороший?

Д: Ну.. как сказать я не знаю я просто увидела его в рекламах.

Л:Я вот не могу найти хорошего крема против моршин.

Д:Попробуй может поможет

7. В:Salamaleykum—здравствуйте!

К:gowmy yagdaylan!—как у тебя дела?

В:gowymy ishlen—как работа

К:Men ishlemeyan okayan—я не работаю учусь

В: haaa... Окар yorsunmi?—аа..ты учишься?

К: howwa soragyn bolsa beray—да если у тебя есть вопрос задавай

В: nacenji yyl sen? —какого года рождения

К:1996

В:ugryn name haysy uniwersitetde okayan? В каком университете учишься?

К: medisinada okayan —в медицинском учусь

Здравствуйте! вот это как вам?